

ПИЛИПЕНКО ЮЛЯ

CF FOLIO

ГОЛУБЬ
С ЗЕЛЁНЫМ
ГОРОШКОМ

Юля Пилипенко

Голубь с зеленым горошком

«Фолио»

2018

ББК 821.161.1(477)

Пилипенко Ю.

Голубь с зеленым горошком / Ю. Пилипенко — «Фолио», 2018

ISBN 978-966-03-7913-8

«Голубь с зеленым горошком» – это роман, сочетающий в себе разнообразие жанров. Любовь и приключения, история и искусство, Париж и великолепная Мадейра. Одна случайно забытая в женеvском аэропорту книга, которая объединит две совершенно разные жизни.....Май 2010 года. Раннее утро. Музей современного искусства, Париж. Заспанная охрана в недоумении смотрит на стену, на которой покоятся пять пустых рам. В этот момент по бульвару Сен-Жермен спокойно идет человек с картиной Пабло Пикассо под курткой. У него свой четкий план, но судьба внесет свои коррективы.

ББК 821.161.1(477)

ISBN 978-966-03-7913-8

© Пилипенко Ю., 2018

© Фолио, 2018

Содержание

Предисловие	5
Короли не моего рок-н-ролла	7
L'aéroport de Geneve	17
Gate B8: Lisbon	24
«Санта-Катарина» и Уильям Рейд	32
Стамбульские чаевые	41
Круг, так круг	51
Samara de lobos	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Юля Пилипенко

Голубь с зеленым горошком

Предисловие

Есть люди, моменты одиночества которых раскрываются огромной волной красок. Распахиваются окнами в целые миры, подхватывают и несут сквозь них, разрывая грудь эмоциями. Эта книга именно о таком и от такого человека.

Настроение – шпионский роман, где нет шпионов.

Бондиана.

Но не эта, современная, с бездушными героями и безликой обстановкой, а та, ранняя, с легким и пряным налетом колониального стиля, солеными брызгами волн и распахивающего белую рубашку ветра!

Буквы складываются не в слова – в флюиды, шлейф которых окутывает и дурманит.

Уныние не просто грех, но самый унылый из грехов, не ее, не автора! Не героини! Жизнь бьет из них обеих, ты тонешь в попытках угадать, где образ, а где человек, они переплелись, слились, смешались, стали друг другом.

А может быть, всегда были.

Я не люблю драм. Я бегу от них где только можно, я на разделяемых рыб в телевизоре не смотрю, мне их жаль. Жизнь слишком полна ими, чтобы читать о них книги или смотреть в кино. Тут драма бьет настолько же резко, насколько слепит счастье. Я страдал, когда читал, закрывался всеми доступными мне барьерами, уговаривая себя, что это лишь книга и не со мной! Но пронзает, пронзает так, что сносит все оговорки и трясет до глубины души.

Это роман о любви. О бывшей любви, о рождающейся любви. Каждая секунда, в которую мы никого не любим, – потерянная секунда нашей жизни.

Вы помните тот немислимый эротизм первых дней знакомства? Когда мир вдруг отъезжает назад, весь, и в нем остается лишь один человек! Вы жадно впитываете друг друга, словно губка, впитываете образ другого человека, еще час чужого и вдруг ставшего не просто близким, частью вас! Ток бежит по коже, искры в глазах, – прочтите, это все так невероятно описано!

Если ты болтал с автором три минуты, ты знаешь ее всю жизнь. Если прочел три главы, всю жизнь будешь читать.

Читайте.

У вас на губах останутся соль слез, соль океанских брызг, тростниковый сахар коктейля и нежность сигареты, зажженной секунду назад.

Почувствуйте эту смесь, не бойтесь ее! Читайте!

Макс Бужанский

Посвящается G.

Дорогой Санта!

Знаю, что до Нового года еще далеко. Тем не менее пишу тебе письмо. Бог слишком занят и не всегда находит время присмотреть за всем, что я делаю. Постараюсь коротко.

Есть остров в Атлантическом океане, и имя ему Мадейра. Там зажигаются и гаснут звезды, бьют церковные колокола, а в воздухе пахнет «Cartier» и дикими орхидеями. Я летела туда, скрываясь от прошлого, но жизнь меня разыграла. Она подставила мне подножку и рассмеялась, глядя в лицо. Ты же знаешь эту чертовку. Харизматичную, неповторимую, с надменной улыбкой. Дает и сразу забирает.

У меня проблемы, Санта. Я запуталась, не понимаю, что хорошо, а что плохо. И есть ли вообще какая-то разница?

Странно. Только что пошел снег. Зима накрывает все вокруг и топчет успевшую окрепнуть весну. Неужели ты меня слышишь?

Если это так, то самое время перейти к делу. Санта, я не нахожу слов. Научи меня вскрывать сейфы. Я хочу быть, как он. Хочу быть с ним.

Спасибо.

* * *

Моя история началась в Женеве, продолжилась в Париже и оборвалась на острове Мадейра. Но оборвалась ли?

Короли не моего рок-н-ролла

Пабло Пикассо
«Голова арлекина», 1971 г.

Похищена из музея «Кунстхал» в Роттердаме 16 октября 2012 года.
Текущий статус: картина уничтожена.

«Дамы и господа, мы рады приветствовать вас в аэропорту Женевы! Просьба оставаться на своих местах и не отстегивать ремни безопасности до полной остановки самолета. Спасибо, что выбрали нашу авиакомпанию...»

Я дослушала стандартную речь бортпроводницы «МАУ» и поблагодарила Бога за то, что впервые за сутки мне удалось поспать. Все-таки два с половиной часа – хоть и маленький, но успех. Во время утреннего перелета мою надежду на пятидесятиминутный сон безжалостно изнасиловали, причем сделали это абсолютно искренне. В пять тридцать утра в скучном до слез запорожском терминале мне на глаза попался... Элвис Пресли. Набриоленные волосы, торчащий вверх хохолок, слегка напимаженные щеки, ослепительные перстни на руках, футболочка, призывающая желать только его, – все это настолько не вписывалось в атмосферу жуткого аэропорта, что я невольно улыбнулась. Рядом с королем рок-н-ролла стояла группка людей, активно обсуждавших лекции семинара по кибернетике. То ли привыкший к обожанию кумир музыки и сцены решил привлечь внимание, то ли просто боялся завять, пребывая в сонной и до боли меланхолической обстановке, но он вдруг подал голос. Голос Элвиса, конечно:

– Май фрэндс, простите, что прерываю... Вы часом не в Вегас летите?

Вопрос так резко раздробил тишину своей нелепостью, что я начала едва заметно посмеиваться. Конечно, ведь почти все собравшиеся в этом несчастном запорожском ангаре люди по воскресеньям летают в город грехов и разврата, чтобы прожечь двадцать-тридцать тысяч долларов, которые кажутся лишними, учитывая запредельно благополучную жизнь в Украине. Как и следовало ожидать, все участники предстоящего семинара обратили свои кибернетические взгляды на Элвиса:

– Нет, – заговорил один из них, – мы летим в Киев. А что?

– Дело в том, что мой багаж зарегистрировали сразу до Вегаса, и меня это немного пугает. «Меня вообще пугает летать из Запорожья, но иногда нет другой альтернативы», – подумала я.

Кибернетики пожали плечами и, синхронно посоветовав королю проконтролировать ситуацию в Борисполе, вернулись к земным реалиям.

К моему сильному удивлению, следующей жертвой звезды стала я:

– Вы случайно не в...? – завел он шарманку по пути к автобусу.

– Нет, не в Вегас, в Лиссабон, – прервала я.

– О'кей, о'кей, файн, я не говорю на порто, – по какой-то известной лишь одному ему причине Элвис перешел на английский с перфектным, по его мнению, американским акцентом.

Сколько себя помню, меня всегда раздражали люди, которые, выучив пять-шесть фраз на иностранном языке и два с половиной раза побывав за границей, моментально превращались в коренных жителей Европы либо Америки, старательно намекая на то, что русский или украинский теперь даются им с большим трудом. Все это зачастую отдает такой нелепой фальшью, ребячеством и невежеством, что с мнимыми полиглотами сразу хочется перейти на язык вечного молчания. В противном случае можно по уши погрязнуть в словесной ахинеи и дешевых, дурно пахнущих понтах. Но Элвис не относился к упомянутой выше категории. Он не корчился в агонии, пытаясь вспомнить то или иное русское слово. Просто в какой-то момент переходил на амэрикан English, при этом сильно видоизменяя свой бас. В общем он успел меня заколебать еще до того, как мы оказались у трапа самолета. А дальше подключилась фортуна: у меня двадцать второй ряд, а у него двадцать третий и место у прохода. Впрочем, я тоже сидела не возле окна, что довольно сильно ударило по моей расшатанной нервной системе. На регистрацию я заходила последней, так что выбрать не пришлось.

Справа от меня уселся добродушный лысенький иностранец, но Пресли уже было не остановить:

– Послушай, если бы ты своими глазами увидела «Bellagio» и «Caesars Palace». Это другая Вселенная. Другой уровень. Ты не представляешь, какая там мафия бомжей. Я как-то работал Элвисом возле одного казино...

«Ну да, на работу в «Bellagio» тебя бы не взяли, – подумалось мне. – А вот поскакать возле какого-то старенького казино в костюме с блестками – это вполне возможно».

– Так вот, однажды при мне одна женщина выиграла миллион четыреста долларов, – продолжал мой герой, постепенно завоевывая внимание сидящих поблизости пассажиров.

– В рулетку или в покер? – поинтересовалась я на последнем дыхании.

– Оу ноу! На слот-машинс! Я ее водой отпаивал. Она, конечно, отдала приличный процент выигрыша банку, но лакомый кусочек отхватила.

Я поняла, что этого клоуна уже слушает весь самолет. Цирк пора было прекращать, и он бы, наверное, вскоре действительно прекратился, если бы не ярчайшее солнце, лучи которого в половине седьмого утра пробили немножко хмурое украинское небо. Лысенский справа сообразил, что огромный светящийся шар обеспечил прямое попадание в мой правый глаз, и галантно поинтересовался на британском английском, может ли он пожертвовать видом из иллюминатора, дабы спасти меня от атаки острых лучей:

– Yes, surely! – сказала я и допустила вторую ошибку за это утро.

– Вы живете в Женеве? – улыбнулся сосед.

– Нет, в Украине.

– Украина – прекрасная страна! А какая кухня! А какие добрые люди! Такие открытые, вежливые и позитивные!

– Как туриста, я вас понимаю. А вы где успели побывать в Украине?

– В Запорожье.

– И все?

В этот момент Элвис снова вышел на сцену, и мне пришлось повернуть голову в сторону прохода:

– Знаешь, в Vegas огромная конкуренция Элвисов, but I'm one of the best¹. Между прочим, «Bellagio» – is that very place², где позировали все друзья Оушена во время ограбления в фильме. Если тебе это о чем-то говорит. Кстати, меня зовут Олег.

– Я прилетал в Запорожье к девушке, – шепнул сосед справа, и моя голова заняла былое положение.

– А сами-то вы откуда?

– Из Уэльса.

– ИЗ УЭЛЬСА?

– Да. Кстати, меня зовут Энди. Сейчас я покажу вам фото девушки. У нас все так прекрасно складывалось в интернете, что мы решили встретиться. Ее зовут Вика. В ноябре она прилетит ко мне в Уэльс, так как через полчаса общения наяву мы поняли, что созданы друг для друга. Либо она останется жить в моей стране, либо я перееду в Украину.

И Энди таки показал фото... Лучше бы он этого не делал. Я сразу поняла, что в Украину ему переезжать не придется, потому что такие, как Вика, обычно нацелены на ПМЖ и не важно с кем.

– Она учится на косметолога, очень умна...

«Да, я представляю...»

– Энди, а чем вы занимаетесь в Уэльсе?

– Работаю курьером.

¹ Но я один из лучших (англ.).

² Это то самое место (англ.).

Боже мой, оказывается, Ты умеешь создавать романтические истории и писать такие замечательные сценарии: курьер Энди из Уэльса и косметолог Вика из Запорожья полюбили друг друга... Ну, разве это не прекрасно?

– В Вегасе есть отель «Wynn». Это шик всех шиков... Там одни шишки и дурочки. Так вот, напротив будут строить... – Элвис явно начинал ревновать к лысому уэльскому курьеру, который верил в чудеса любви.

Проблема заключалась в том, что меня с одинаковой силой подташнивало от обоих, а до посадки оставалось пятнадцать-двадцать минут. Я приняла решение уничтожить их по очереди, потому что в моем терпении наметилась жуткая прорезь и этот «триалог» катастрофически напрягал.

– Элвис, Олег, пожалуйста. На этом все. Я неоднократно бывала в Лас-Вегасе. «Wynn» – мой любимый отель. Мое дыхание останавливается каждый раз, когда я захожу в номер на правильном этаже и нажимаю на кнопочку сенсорного дисплея. Шторы раздвигаются, я смотрю на самый яркий город в мире, и поверьте, мне хочется кричать. Потому что к этим огням невозможно привыкнуть. Потому что они великолепны, даже несмотря на то, что загорелись на крови Багси Сигала и прочих отчаянных ребят, которые в свое время не стеснялись убивать ради власти и денег. Поверьте, я знаю все об этом городе от интереснейших людей, живущих там. Семидесятилетний водитель «роллс-ройса» показывал мне даун-таун и угощал леденцами, потому что я кашляла. Выяснилось, что он тоже пишет книги. Так вот, он написал целую серию рассказов о том, как проиграть в покер. У меня есть все. И все подарены. Он – профессиональный игрок и волшебный человек. Я дружу с парнем-барменом из Боливии, который спасал меня от температуры сорок в казино «Venezian» и отказывался брать за это деньги. Наркобароны в «Elcoge» устраивали частную вечеринку перед моим отъездом, потому что всем нам нравится Карлос Кастанеда и его своеобразная глубина. Я могу перечислять бесконечно. Рассказывать о плотине Гувера, проблемах с водой, о штрафах и поощрениях, об открытии «Flamingo», о Тине Тернер в коротком красном платье и обо всех шоу «Cirque du Soleil», которые вызывают слезы на глазах взрослых мужчин. Особенно шоу Майкла Джексона в «Mandalay Bay». И все ваши, Олег, коллеги – подражатели звезд, музыкантов и звездных воинов – перехватывали меня на выходе из такси, чтобы в итоге сфотографироваться за их счет. Вы хотели прорекламирровать себя в пять утра? Пожалуйста.

Элвис замер, в то время как самолет взорвался в лучшем смысле этого слова. Мне осталось лишь выйти в проход и сделать реверанс в ответ на смех и овации. Дедушка с 24 С подошел расспросить о плотине Гувера, но стюардесса вернула его на место, так как мы уже заходили на посадку в Борисполе. Курьер Энди просил объяснить, о чем я так долго рассказывала и почему некоторые пассажиры захлопали во время полета.

– Я прочла отрывок из своего нового рассказа «Почему мы не спали весь этот час».

– Вы пишете книги? У нас столько общего! Ведь я иногда читаю. Я почувствовал искру во время полета.

И Энди не шутил. Он действительно почувствовал настолько сильную химическую связь, что его косметологическая, найденная в фейсбуке запорожская судьба таяла на глазах всего бориспольского аэропорта. Он дождался, пока мой серый чемодан покажется на багажной ленте, взял его в свои тощие уэльские ручки и покатил в сторону выхода:

– Я могу угостить вас чашечкой кофе? Это был самый интересный полет в моей жизни. Общение еще никогда не доставляло мне такого удовольствия!

«А что, с Викой-косметологом было не так увлекательно? Или вареники приелись?» – чуть не вырвалось у меня.

– Энди, у меня не так много времени. Мне нужно зарегистрироваться на следующий рейс, а там всегда очереди, если летишь экономом.

– Тогда я постою в очереди вместе с вами. У меня стыковка в Амстердаме, но вылет через пять часов.

Это было слишком. Я на секундочку представила, как буду час выслушивать бредни Энди в процессе избавления от тяжелого чемодана.

– Энди, что вы! Я буду чувствовать себя неловко, если заставлю вас толпиться в очереди. Лучше я зарегистрируюсь, а потом мы где-нибудь встретимся...

– Хорошо, я буду стоять здесь!

И он таки стоял, как истукан. Сорок пять минут. На одном месте. Не могу сказать, что меня это тронуло, но совесть подсказала все-таки потратить две минуты на чашку капучино в обществе уэльского курьера. Я предпочла взять кофе с собой, чтобы распрощаться с Энди на пути к секьюрити-чек, но вдруг произошел маленький казус.

– Кажется, я потерял деньги. – Энди отчаянно шарил по карманам в поисках пропавшей без вести купюры.

– Много? – не очень вовремя зевнула я.

– Сто фунтов. – Энди был готов разрыдаться.

«Ну, Вика-косметолог... Переедешь ты в Уэльс и будешь вытирать соплю своему возлюбленному каждый раз, когда он теряет огромные суммы».

– Энди, не переживайте. Я заплачу за кофе.

– Нет! Мне так стыдно!

Мне правда стало его жаль, и я отключила цинизм. Человеку под полтинник, он с утра до вечера развозит посылки, вкалывает дни напролет... Конечно, обидно потерять деньги, на которые он, по всей вероятности, рассчитывал. И должна признаться, что я искренне порадовалась за Энди, когда он все-таки обнаружил утраченные сто фунтов в кармане потертого пиджачка. Он пытался вернуть мне какие-то бумажки за капучино, но я уверенно отвечала жестким отказом. Моя третья ошибка за утро. Судя по всему, я была первой и последней девушкой в мире, которая угостила Энди горячим напитком с молочной пенкой. Он так впечатлился, что в глазах его загорелись два огромных красных сердца, пока еще не пробитых стрелой. Я распрощалась с ним перед контролем безопасности, подсказав ему на прощание, как можно найти меня в фейсбуке. Ошибка номер четыре.

Очередь на секьюрити-чек была бесконечной и таяла с черепашьей медлительностью. Две дамы постбальзаковского возраста бросали на меня презренные взгляды, а я все пыталась понять причину, по которой стала столь неуютной для этих великовозрастных дев. Оказывается, Энди все это время стоял в сторонке и слал мне воздушные поцелуи. Я даже не знала, что мне делать: то ли разразиться взрывным смехом, то ли прослезиться, то ли оценить чувство юмора того парня, который, сидя на облаках, расписывает наши судьбы и временами вставляет в них комические эпизоды. Строгость и суровость лиц дам давали мне возможность прочесть ординарные мысли: «Нашла себе, шлюшка, иностранца. Куда катится мир...» Да, девочки, полностью согласна. Мир катится в тартарары, но я сейчас pošлю воздушный поцелуй в ответ и возведу ваше неудовольствие в пятикратную степень. Развлекаться – так развлекаться. После того как я смачно поцеловала кончики своих пальцев и распахнула ладонь в направлении Энди, дамы зацокали языками, а мой уэльский друг задрожал от экстаза. Он отчаянно жестикулировал, указывая на свой телефон, чем всячески давал мне понять, что скоро напишет. Не веря такому счастью и удаче, я помахала ему ручкой, сняла с себя пояс, достала из сумки лэп-топ и с весомой долей облегчения прошла контроль безопасности.

С одной стороны, избавление от соседей по самолету доставляло неземное удовольствие, с другой – счастье мое не могло продлиться долго, что было довольно предсказуемо и ожидаемо. Казалось бы, ну, сколько там шагов нужно проделать по направлению к четырнадцатому гейту? Не очень много, при условии, что тебе не приходится прогуливаться по красивым отно-

шениям, которые закончились в лучших традициях Бегбедера. Ну, что поделаешь, если сука-любовь не дает мне перейти трехлетний рубеж?

* * *

Gate D1. Буэнос-Айрес. Помню, как в районе Пуэрто-Марено нас врасплох застала стена проливного дождя. Мы начали бежать, но в какой-то момент он резко остановился, развернул меня к себе, поделился правым наушником с полюбившейся мне песней и поцеловал. Люди разбежались в разные стороны в поисках укрытия, а мы так и продолжали стоять на одном месте, задыхаясь от нежности, страсти и поцелуев. Помню, как я заплакала от безрассудного счастья и не менее безрассудной мысли о том, что когда-нибудь все это закончится. Странно думать о таких вещах в начале отношений. Это был один из самых запоминающихся дней в моей жизни, потому что в Буэнос-Айресе было все: молодость, красота, влюбленность и безграничные возможности. За месяц мы облетели и исколесили всю Аргентину. Виноградники и отель «Ван Гог» в Мендосе, волшебные закаты Барилоче, пустынные пейзажи и ледник Калафате, милейшие пингвины Пуэрто-Мадрин, бесподобная Патагония, леденящая кожу Ушуая... В самом деле, мы умудрились добраться до Ушуаи – the most southern town of the world³. Пожалуй, дальше могла быть только Антарктида. А ведь именно так все и начиналось:

– Ты полетишь со мной, Юля?

– Куда?

– А куда ты хочешь?

– Меня так все достало. Мне бы хотелось на край света.

Ушуая... Фото, которое он, на удивление, выкладывает в фейсбуке. И надпись: «Это конец, Юля». О, нет. Это было только начало. Танго без музыки, не имеющая пределов страсть и отправная точка в весьма неординарных трехлетних отношениях, которые не имели ничего общего с бытом и нарушением личного пространства. Роман не может закончиться быстро и банально, если он стартует в такой стране, как Аргентина. В мире был лишь один человек, которому удалось полюбить ее еще сильнее, чем это сделала я. Кавалер ордена Почетного легиона, отважный летчик и великолепный писатель Антуан де Сент-Экзюпери черпал изрядное количество вдохновения, работая на компанию «Аэропоста-Аргентина» и наматывая бесконечные небесные круги над Патагонией, необычная рельефность которой подтолкнула автора к созданию «Ночного полета» и «Маленького принца». Примерно в 1930 году «Аэропоста-Аргентина» начала совершать полеты из Мендосы в чилийский Сантьяго. Для быстрой и качественной доставки почтовой корреспонденции летчики компании зачастую были вынуждены летать по ночам. Нулевая видимость, жестокие метели, катастрофический недостаток кислорода и перелеты через Анды забрали жизни десятков пилотов. Экзюпери более тридцати раз удачно посадил самолет в столице Чили. Он влюбился в Аргентину, несмотря на изначальную ненависть к Буэнос-Айресу, и в ванной его квартиры на улице Флорида поджигал маленький тюлень, спасенный летчиком во время одного из путешествий. Аргентинцы с нескрываемой гордостью рассказывали мне о том, как по аэродрому «АэропостаАргентина» с легкостью гастролировали пингвины, которых пилот и гений уберег от беды и гибели. Только Великий с Великой судьбой мог сказать: «Если звезды зажигаются, значит, это кому-нибудь нужно». Такое действительно мог написать лишь человек, ставший пилотом ВВС США, чтобы бороться за свободу Франции во время ужасающих продвижений Гитлера по Европе. Только жаль, что чем ярче звезда, тем больнее и мучительнее наблюдать за тем, как она угасает. Особенно, когда ты не в силах повлиять на ситуацию.

³ Самый южный город мира (англ.).

Gate D2. Берлин. Господи, только не Берлин и не сейчас. Сколько мы там прожили? Три или четыре месяца? Когда ты знаешь все лучшие кофейни, рестораны и пивоварни в двенадцати из двенадцати районов, город по праву можно считать своим. Я уже молчу о музеях, пробежках по закрытому аэропорту «Темпельхоф» и ночных турах по подземным бункерам и бомбоубежищам, которые предполагали участие лишь носителей немецкого языка. Конспирация – великое искусство. Я почувствовала, как к горлу подступает ненавистный ком.

Gate D3. Кажется, отсюда мы в очередной раз улетали в Гоа. Да, точно, отсюда. Сидели как раз там, где сейчас друг о дружку трется парочка фриков. Удачи, друзья! У вас это явно навсегда. Гоа... Сколько мы там времени провели? Пару месяцев? Palolem beach, кармельно-пурпурные закаты, блуждающие по пляжу священные коровы, бездомные собаки, кафе «Cuba» и официант по имени Пинту, который меня очень любит и постоянно пишет в фейсбук. Прекрасный парень с огромным сердцем и открытой нараспашку душой. А чего стоили эти ежедневные кроссы на восходе солнца, когда кончики пальцев цепляют освежающую океаническую пенку и все внутри разрывается от желания жить вечно?! А эти закопанные в песок свечи и шум прибоя? Закрывать и открывать глаза под звуки волн Индийского океана – пагубная привычка. Она губительна настолько, что даже через месяц ты плюешь на все на свете и меняешь билет, чтобы продлить удовольствие хотя бы на одну-единственную неделю. А хоккеист из Словении, который приглашал меня на совместные пробежки? Он вечно ломился вперед, как молодой конь, а я, не желая уступать, неслась в его ритме, изо всех сил приглушая крик легких, который был громче ора наглых гоанских ворон. А девочка Катя с роскошными волосами, кончики которых почти касались ее ренуаровской попы? Каждое утро она хлопала дверью домика напротив, посылая в зад своего бойфренда, и бежала плакать к океану. Гоа, Индия, Мумбаи, Удайпур, Пушкар... Последний раз, когда мы улетали туда из D3, ко мне подседа девочка с книгой «Шантарам». Видимо, ей нужно было с кем-то поговорить.

– Ничего, если я здесь посижу? – спросила она.

– Конечно, это ведь аэропорт, – я рассмеялась.

– А вы куда летите?

– Мы в Гоа, а ты куда?

– Я в Мумбаи. Вы там были?

– Мимолетом. Но город сумасшедший. Запредельно богатый и катастрофически бедный одновременно. Поражают миллионы трущоб на границе с аэропортом. В книге все прочтешь.

– Ты читала эту книгу?

– Конечно. Если ты летишь в Индию, то «Шантарам» – это беспрекословный «must read».

Грегори Адамс прекрасен. Вообще всегда интересно читать реальные истории. Особенно о беглом австралийском преступнике, который стал неотъемлемой частью бомбейской мафии.

– Мои друзья из Мумбаи посоветовали мне эту книжку. К ним я и лечу.

– Надолго?

– На месяц или навсегда, – грустно улыбнулась девочка. – Сложный период в жизни.

– Бывает. Но отправиться в Мумбаи – очень смелое, достойное уважения решение. Начни читать прямо в самолете. Поверь, когда Грегори Адамс туда летел, он тоже находился не на самом лучшем этапе жизни.

Gate D4. Париж. Единственный город-любовник, который я всегда оставляла только для себя. Своеобразный путь к отступлению, но об этом я подумаю позже. Сегодня я была той самой девочкой из D3, которая через Женеву летела в Лиссабон, а оттуда – на Мадейру. Возможно, на месяц, а может быть – навсегда. Правда в моей сумке была совершенно другая книга – «The History of Modern Art» издательства «Taschen», купленная в Музее современного искусства в Стокгольме. А еще на дне этой яркой сумки лежал новый ноутбук с набросками рукописи о Европе, которая гипотетически должна была превратиться в мою третью книжку. Я настолько с ней затянула, что нарушила все условия контракта. Для меня не было ничего

проще, чем описать места, в которых мы бывали. Только вот возник один нюанс: «МЫ» сорвалось в бездну пару недель назад. НАС больше не было. Не было ничего, кроме дыры, тупой боли и зарождающейся пустоты. И как писать о Европе, если Европа – это он, если я с большим трудом читаю названия городов на мониторах и молниеносно оказываюсь в каждом из них, погрязая в триллионах красочных болезненных картинок...

Gate D5. Стамбул. И имя тебе Константинополь... Как писать о Европе, если еще месяц назад мы ели сочную дыню на огромной террасе, с которой во всей своей красе открывался вид на Босфор? Он утешал меня после поражения Федерера на уимблдонском турнире и подбадривал, когда я, по иронии судьбы, оказалась в клинике «Abadajan» в день смерти любимого брата. Стамбул чувствовал, что отношениям конец: остановились часы, порвались все ниточки-талисманы, а с моей трансплантированной печенью происходила полная чертовщина. Как выяснилось, органы были в полном порядке, но из-за реберной невралгии начались такие фантомные боли, что меня выворачивало наизнанку. Тот факт, что в лучшей клинике Турции проходили курс лечения два моих безнадежно больных друга, оптимизма не добавлял. С одним из этих людей я прожила пять лет, и он умирал у меня на глазах, легонько поглаживая ладонь в то время, как я пыталась улыбаться и не орать от разрывающего в клочья бессилия. Вот и мне пришлось поехать в «Abadajan». Стамбул что-то чувствовал и знал. Скорее всего, этот город научился чувствовать меня. И я знала, что какими бы мучительными не были воспоминания, Константинополь стоит того, чтобы взять себя в руки и включить его в книгу о Европе.

Gate D6. Нью-Йорк. Спасибо, что хоть в Америке мы не успели побывать вместе. Нью-Йорк был связан с человеком, которого больше не было. Как-то много всего для одной весьма непродолжительной жизни.

Gate D7. Стокгольм. Даже не хочу об этом думать... Кажется, что мы только вчера проклинали дичайший холод и внушительные цены, кажется, что мы только вчера оттуда вернулись. Он постоянно грел мои пальцы и говорил, что они мерзнут потому, что у меня очень горячее сердце, которое впитывает в себя все тепло.

Gate D8. Будапешт. Тот самый правильный момент. Такое впечатление, что это происходит со мной прямо сейчас: сижу на каменных ступеньках возле уставшей от пароходов реки, разворачиваю купленный в парке сэндвич и вспоминаю человека из «Gresham»... в дорогом костюме, с пафосным портфелем и безжизненным лицом. Он смотрел сквозь огромное стекло ресторана на людей, которые бойким или скучным шагом шлифовали асфальт возле отеля «Four Seasons». Он смотрел на людей, а они – на него. И я подумала, откуда берется такая разница во взглядах? Ведь как мало разделяет человека «IN» и человека «OUT», и как много их связывает... Мои мысли прервал голубь. Он подсел ко мне. Как личность, я его не интересую, но как хлеб его интересует мой сэндвич. Colombo, ты – птица, ты дышишь, ты прилетел ко мне и смотришь мне в глаза, ты не напрягаешь, и я дам тебе хлеба. Только не зови друзей. Вчера я угостила такого, как ты, в ресторане: он привел всю свою семью и даже пригласил дальних родственников из Вены. Обрадовались все, кроме тех, кто находился в заведении, зато людям на улице было что фотографировать. Не зови друзей, Colombo. Просто посиди со мной. Давай вместе погреемся на теплых ступеньках, посмотрим живое жизненное кино, понаблюдаем, как отчаянно садится солнце над Дунаем и оставляет нам на память свою сверкающую золотистую тень на холодной воде. Знаешь, почему оно так всегда поступает? Солнце боится, что о нем забудут и перестанут замечать, поэтому оно чертовски тактично напоминает людям о своем существовании. Оно специально делает это напоследок, перед тем, как умирает очередной день. Иногда это красиво до боли, а иногда – до слез. Ешь мой хлеб, Colombo, и запомни наш общий момент, потому что это правильный момент. Жаль, что ты не можешь рассказать мне о птицах и о полетах, жаль, что я не могу рассказать тебе о людях, потому что нечего говорить о них тому, кто знает, что такое быть свободной птицей и хоть секунду находиться

в полете. Просто ешь мой хлеб. Я лучше расскажу тебе о правильном моменте, но здесь все равно не обойтись без людей...

Глаза человека, который шагает по улице, и глаза человека, который обедает в «Gresham», разделяет стекло. Прозрачное, начищенное, почти невидимое, без пятен и следов от резиновых перчаток. Но это стекло существует, и его создали люди. Придумали специально на случай, если взгляды пересекутся. Сделали для того, чтобы понимать невидимую, но осязаемую разницу между «Four Seasons» и тротуаром. И вот они пересекаются. И я вижу, что человек, который проходит по улице, отводит взгляд в сторону и идет своей дорогой. А человек, который ест карпаччо в «Gresham», продолжает смотреть ему вслед. Каждый из них о чем-то подумал. Но один опустил глаза, а другой – нет. Потому что существует придуманное стекло. Возможно, человек с улицы думает о том, что хочет оказаться в «Gresham», а человек из «Gresham» мечтает о том, чтобы просто шагнуть по тротуару и вспоминать, как он хотел однажды здесь оказаться. Их разделяет стекло, но объединяет довольно простая вещь: каждый из них ждет от жизни правильного момента – того мгновения, когда процесс достижения цели не уступает ощущению от ее достижения. Для человека снаружи – это «Gresham», для человека внутри – это уже что-то другое. Но знаешь, в чем фокус, Colombo? Сегодня ты сидишь в «Four Seasons» и ешь нежнейшее ризотто с трюфелями, а завтра ты бредешь по тротуару и у тебя нет ни дома, ни адреса, ни человека, у которого есть дом или хотя бы адрес. Сегодня ты обедаешь в «Gresham», а завтра выбиваешь в парке музыку на стекляшках и дышишь в затылок жизни. Или наоборот. Но независимо от того, кто ты сегодня, нужно получать удовольствие, потому что ты все еще в игре и это единственный правильный момент. Жаль, что многие люди не могут понять и запомнить: нельзя видеть только стекло и улыбаться лишь тем, кто внутри. Ведь так легко оказаться снаружи... Солнце умирает, Colombo. Умирает очередной день. Они отдают нам с тобой на прощание свои последние золотые секунды сегодняшней сказки. Ты доел весь мой сэндвич. Прощайте, солнце, голубь и закат. Прощай, красивое сегодня. Нам всем пора разойтись, мы больше не повторимся, но нам не о чем жалеть. И это тоже правильный момент.

Gate D9. Амстердам. Озорной мальчишка, который всегда готов взять тебя за руку, предложить душу и сердце, траву и Ван Гога, разврат или домик волшебной девочки по имени Анна Франк. Об этом городе будет больно писать.

Gate D10. Варшава. Отели «Атос», «Портос», «Арамис» по пути в Гамбург и костыли на заднем сиденье автомобиля. Божественно.

Gate D11. Марсель. Забытый купальник в багажнике прокатного «мерседеса» и звонок от человека с дабл-именем Хулио-Хулио. Он звонил из компании «Sixt», дабы сообщить радостную новость: «Мадемуазель, к сожалению, мы не нашли ваш купальник, но я должен сказать, что на фото он выглядит превосходно. Наверное, он был вам к лицу». Ну, чистый Хулио. Точнее, Хулио вдвойне.

Gates 12 и 13 я с радостью пропустила, потому что Египет никогда не был моим пристанищем и стихией.

И наконец-то:

Gate 14. Женева. Просто сядь в этот самолет и начни новую жизнь.

L'aeroport de Geneve

Ян Вермеер
«Концерт»
Дата создания: 1658—1660 гг.

Украдена в Бостоне из личного музея Изабеллы Гарднер в 1990 г. Грабители выдавали себя за полицейских.

Текущий статус: картина не найдена.

Мое ближайшее окружение весьма сильно переживало касательно женеvского пятичасового транзита. Добропорядочные немцы в сто пятьдесят девятый раз открыли мне свежий двухлетний шенген по медицинским показаниям. Эта милая традиция сложилась у нас с 2003 года, когда в университетской клинике города Эссен мою больную семнадцатилетнюю печень

заменяли на большую долю аналогичного органа мамы. Все штампы в моих паспортах свидетельствуют о том, что визу по медицинским показаниям я использую в свое откровенное удовольствие. На обследования в Германию я, конечно, летала, но, к счастью, делала это намного реже, чем колесила по миру. В принципе, залететь в Лиссабон через Франкфурт или Берлин большого труда не составляло, но мне катастрофически не хотелось переплачивать двадцать-тридцать тысяч за билеты. Гораздо больше меня прельщала мысль о том, что эти деньги я просто-напросто прогуляю на Мадейре. Я прекрасно владею английским, вполне прилично изъясняюсь по-немецки, но в франкоязычной части Швейцарии я приняла решение заговорить по-французски.

– Бонжур, мадемуазель! Вы остаетесь в Женеве или летите дальше? – поинтересовался швейцарец на паспортном контроле.

– Бонжур! Я лечу в Лиссабон, а оттуда – на Мадейру.

– Как здорово! У вас каникулы?

– Не совсем. Я лечу писать новую книгу и освежить здоровье.

На слове «здоровье» из меня вырвался очень качественный, внушающий доверие кашель. Прodelать такой трюк было довольно легко, так как последние две недели у меня сильно болело горло, выздоровлению которого никак не способствовало европейское растение под названием «амброзия».

Как раз в этот момент швейцарец нашел нужную медицинскую картинку среди индийско-американских штампов:

– О! Конечно! Мадемуазель, я от всего сердца желаю вам здоровья и вдохновения!

Это было трогательно и приятно. Гораздо приятнее, чем классический звук фейсбук-мессенджера, который раздавался сразу же после того, как я подключилась к бесплатному интернету. Мне пришла километровая простыня, в которой мой новоиспеченный возлюбленный Энди признавался в том, что жизнь крайне непредсказуема. Ему казалось, что его судьба предрешена и навсегда связана с Викой из Запорожья, и вдруг! О Всевышний, и вдруг он встретил меня. И теперь он не знает, что делать, третий час наматывает круги по терминалу в ожидании амстердамского рейса и не может оторвать взгляд от моей фотографии в фейсбуке. Дальше следовало двадцать пять предложений о химии и электрическом токе, которые он остро почувствовал между нами.

Не знаю, что там почувствовал Энди, но лично я не испытывала ничего, кроме желания материться. Громко и вслух. Меня разрывало от смеха, негодования, недосыпания и колоссальной усталости, которая все больше наваливалась с каждым проделанным шагом. Снова оповещение мессенджера. Читаю. Ну, конечно. Кто бы сомневался? На этот раз мне писал немец, по сравнению с которым курьер Энди был тактичной меланхоличной душкой. Немец Себастьян переплюнул всех и все. Вот просто всем «четыре», а ему – заслуженная «пятерка с плюсом». Такого эпического долб...ба мир просто не видывал, несмотря на то, что он прошел через тот же ад, что и я. Разница заключалась в том, что у Себастьяна была трансплантированная почка, которую он ждал годами, испытывая все муки гемодиализа. Да простит меня Бог, но я готова биться об заклад, что оперировавший немца хирург обладал чернейшим чувством юмора и шутки ради удалил Себу энную часть мозга. Такой себе брутальный весельчак, как Саша Барон Коэн. Иного объяснения я просто не нахожу. Ну, как еще можно интерпретировать поведение человека, который на протяжении шести лет отслеживает тебя в фейсбуке и отправляет сообщения ровно в ту секунду, как ты загораешься онлайн? За шесть лет я ответила ему трижды, когда мне нужно было проверить качество моего немецкого. Конечно, я об этом сильно пожалела, потому что Себ молниеносно перешел к делу. Он был богат, занимался каким-то бизнесом и каждое лето снимал дом в ненавистном мне Монте-Карло, куда я, по его мнению, всенепременно должна была приехать. Как-то он сообщил, что его бизнес процветает и что у него появилась чудесная герлфренд, которую он забрасывает дорогими подарками. Далее

последовала фотография незнакомой мне жуткой тетки с котом на руках и двадцать картинок с изображением нижнего белья и сумок от Вуиттона. Я написала: «Браво! Поздравляю», – но в ответ получила следующее: «Все это должно было принадлежать тебе!» И даже кот... Ура! Вот прямо представила себя на вилле в изнемогающем от пафоса и понтов Монте-Карло: я, жирный кот и тупой, помешанный на сексе немец под боком. Он в самом деле был сексуально озабочен, о чем свидетельствовали все его месседжи и послания. Это сколько же интеллекта должно быть в оставшейся доле мозга, если ты задаешь постороннему человеку вопросы интимного характера и умоляешь подарить нижнее белье? Кстати, белье он собирался презентовать мне по фото. Прямо посылку формировал и рассказывал, что он туда положил. «Может, мне еще что-нибудь добавить, кроме трусиков от «La Perla» и чулочков от “Wolford?”» Да чего уж там – давай, добавляй. Положи мне баночку сардин, упаковку баварских сосисок и пару бутылок рислинга. А затем надень себе на голову чулки и задуши себя, придурок.

Да как же у барышень так получается? Как все эти вики из Запорожья наступают себе на горло, терпят озабоченные фото с пенсионной эрекцией, забывают о чести, достоинстве и таком понятии, как элементарная гордость? Неужели их от себя не тошнит? Ради чего все это? Чтобы выйти замуж, уехать в Германию или Турцию, выключать свет по графику и каждую ночь ложиться в постель с примитивным кобелиной? А как же любовь? А как же свобода? А как же Жизнь, в конце концов?

Пока немец переписывался сам с собой, я решила, что пора присмотреть какой-нибудь уютный ресторанчик, желательно без людей. Доза знакомств за сегодняшний день давным-давно превысила все допустимые нормы и лимиты. Даже дымить сигаретой пришлось, выслушивая басни Хуана из Аргентины. Enough is enough⁴. Учитывая тот факт, что последние две недели я вообще ни с кем не общалась, меня начинало мутить и выворачивать. Хотя нет. Общалась. Я писала одному-единственному человеку, которому очень симпатизировала. Он был сильнейшей личностью и вызывал во мне такое грандиозное уважение, что я как-то незаметно к нему прониклась и прикипела. Казалось, я могла рассказать ему обо всем, что происходит внутри меня и скрывается под маской улыбки. Абсолютно всю правду о потаенных мечтах, накопившейся боли и истинных желаниях. Это походило на ситуацию, когда ты кладешь голову на плечо незнакомцу в поезде и неожиданно начинаешь плакать. Слезы текут, текут, а ты уже не можешь остановиться, потому что их слишком много. Слишком много для тебя одной. И большой вопрос в том, как поведет себя незнакомец: уберет плечо и отсядет от греха подальше либо останется, боясь пошевелиться. Человек, которому я писала, не убрал плечо и не послал куда подальше. Один его синенький значок с поднятым пальцем в фейсбуке значил для меня больше, чем миллионы встреч, подбадривающих фраз и дурацких мотивирующих картинок от хорошо знакомых мне людей. Этот значок был дороже всего на свете. Дороже воздуха и даже солнца. Особенно в течение последних двух недель.

* * *

Я практически забрела в противоположный конец терминала. Все рестораны были на одно лицо, и не один из них не вызывал таких эмоций, чтобы сказать себе: «Бинго! Это мое место!» Сумка сильно передавливала голое плечо, на котором уже чуть заметно просматривался синяк – стандартная издержка сниженных тромбоцитов. Ноутбук, тяжеленная книга с Мэрилин Монро Энди Уорхолла на фронтальной обложке, набитый старыми посадочными кошелечек, гора документов, жизненно важные таблетки, пара-тройка маек, на случай, если багаж затеряется во время стыковки, – все это давило и сковывало движения. Но упорство и специфическое настроение подсказывали мне дойти до самого конца. И какой же верной ока-

⁴ Достаточно есть достаточно (англ.)

залась эта подсказка, распахнувшая передо мной двери «La Terazza by La Rotisserie»... Что могло быть лучше сочного аргентинского мяса на уютной открытой террасе, которая сочетала в себе нежные лучи, теплое дерево и виноградники Мендозы? И тишина – вот что было по-настоящему бесценно.

Солнце припекало с изрядной силой, поэтому выбор столика был сделан в долю секунды. Он находился в самом углу, укрытый тенью от навеса из виноградников. Только приблизившись к нему вплотную, я заметила, что терраса слегка видоизменяет форму и заворачивает за угол. Это однозначно было идеальное место, но, к сожалению, его уже занял какой-то мужчина. Чертовски красивый мужчина, должна сказать.

Я приземлилась по соседству и вместе с ярко-оранжевым ноутбуком выложила из сумки «The History of Modern Art». Заказав по-французски аргентинский стейк с бокалом красного, я заулыбалась, потому что официантка приняла меня за француженку. Большая стыковка в рейсах позволяла расслабиться, поэтому я в свое удовольствие потягивала вино и перелистывала страницы, любуясь шедеврами Моне и Мэри Кэссет. Книга несомненно стоила синяка на плече и потраченных на нее денег в стокгольмском музее. Странно, но мне показалось, что кто-то изучает картины вместе со мной. Трудно сказать, что больше заинтересовало единственного посетителя террасы – я или книга, потому что из-за огромных черных очков я не могла понять, куда именно направлен его взгляд. В эту минуту я была очень довольна тем, что из трех пар очков, прихваченных с собой на Мадейру, на мне оказались с самым темным светофильтром. Мэри Кэссет безусловно была очень одаренным художником, но я все чаще начинала стрелять глазами в сторону своего соседа. Бывают люди, на которых хочется смотреть постоянно. Он относился именно к этой категории: элегантный костюм, белоснежная рубашка и феноменальные часы, которые отбрасывали приятные блики от постепенно отвоевываемого пространства солнца. Сколько же в нем было вкуса, сколько достоинства... Слегка тронувшая волосы седина придавала ему дополнительный шарм, а выглядывавший из-под воротника шрам на шее откровенно завораживал. Да уж... такой, как он, не отправит фото в трусах и не назовет тебя «зайчиком» или «бельчонком», за что иногда хочется вырвать выпирающий мужской кадык.

Я как раз пыталась сосредоточиться на мясе и крохотной картошке, когда к столику моего соседа подошел невысокого роста человек с портфельчиком из крокодиловой кожи.

– Мистер Гуерра? – вопрос прозвучал еле слышно.

Красавец привстал и протянул незнакомцу руку. Они разговаривали настолько тихо, что я даже не смогла уловить, на каком языке происходила беседа. Впрочем, в тот момент это уже не являлось вопросом жизненной важности, потому что после мяса, вина и бессонных суток мой организм начинал давать сильный сбой. Два ряда ресниц постоянно смыкались в один, и контроль над ситуацией выходил за рамки моей компетенции. Взяв в руки прямоугольную сидушку, которая значительно смягчала деревянные скамьи ресторана, я приложила ее к стене и прислонила голову к новообразованной конструкции. В лэп-топе необходимости так и не возникло, поэтому я бросила его обратно в сумку, а книгу переложила на скамейку напротив, освободив себе таким образом достаточное количество места под «кровать». Перед тем как окончательно и бесповоротно ускользнуть от реальности, я увидела, как мои соседи по столику обменялись среднего размера конвертами.

Проснулась я посвежевшей и в довольно хорошем настроении. Взглянув на часы, я легонько зевнула, и...

«Твою мать», – пронеслось у меня в голове.

Время подсказывало, что регистрация на Лиссабон уже не просто началась – она, скорее, заканчивалась. Нервно схватив сумку, я вылетела с террасы и, быстро рассчитавшись с официанткой во внутреннем помещении ресторана, понеслась на регистрацию. Багаж мой зарегистрировали в Киеве сразу до Лиссабона, но новый посадочный талон я должна была получить в Женеве. И снова эти клятые электронные стойки... Как же я их ненавидела... Не в одном

аэропорту мира мне еще не удавалось просканировать паспорт с первого раза и полюбоваться, как мой boarding-pass падает мне в руки, словно пачка купленных в автомате сигарет. Провозившись с дурацкой машиной двадцать пять минут, я поняла, что попросту опоздаю на рейс, а это никак не вписывалось в мои финансовые планы. Я высматривала help-desk на стойках «Swiss Allianz» в предвкушении огромной очереди, но в этот раз удача повернулась ко мне своим нагловатым лицом. Очаровательный полушвейцарец-полуфранцуз выдал мне посадочный и засыпал вопросами:

– У вас транзитный рейс?

– Да.

– А ваш багаж?

– Зарегистрирован сразу до Лиссабона.

– Давайте убедимся, что с ним все в порядке и он долетит до пункта назначения вместе с вами.

– Отличная идея. Забыла вас об этом попросить.

– У вас один чемодан?

– Да, один. И ручная кладь.

– Дайте, пожалуйста, вашу багажную бирку.

– Да, конечно.

Да, конечно... Если бы все было так просто. Я открыла сумку и поняла, что никакой багажной бирки не будет. Причина заключалась в том, что за десять лет у меня выработалась привычка делать книжные закладки из посадочных билетов и багажных стикеров. Нет книги – нет и бирки. Господи, как же можно было забыть на террасе книгу? На меня накатила такая глобальная грусть, что я готова была заплакать.

– Я забыла книжку в одном из ресторанов в другом конце терминала... Стикер остался там же, – слова срывались с губ на полном автомате.

– Je suis très désolé, mais⁵...

– Je ne pas du temps de revenir⁶, – закончила я фразу за сотрудника «Swiss Allianz».

Я знала, что он действительно сожалеет. Не так сильно, как я, но сожалеет. И он был прав: вернуться за книгой не хватило бы времени, потому что очередь на секьюрити-чек оказалась невменяемо длинной. Багаж все-таки удалось проверить по фамилии, но за неимением злополучного стикера стандартная процедура длилась гораздо дольше, чем предполагалось изначально. Поблагодарив швейцарца за помощь и понимание, я в расстроенных чувствах прошла контроль безопасности и попала в своей гейт одной из последних, так как посадка в самолет близилась к своему логическому завершению. Пропустив вперед остатки пассажиров, я протянула для проверки свой boarding-pass. Опять-таки закоренелая, сформировавшаяся за годы полетов привычка. Сотрудница «TAP Portugal» взглянула на мой паспорт и посадочный и уже собиралась меня пропустить, как вдруг снова обратилась ко мне:

– Простите! Могу я еще раз посмотреть на ваш посадочный?

– Да, конечно. – Я достала boarding-pass из кармана джинсов.

Она секунд двадцать сверяла его с рукописным текстом на нежно-голубом листке бумаге, затем приветливо улыбнулась и, достав из-под стойки какой-то пакет, протянула его мне:

– Полагаю, это принадлежит вам.

– Мне? – растерялась я.

Заглянув в пакет, я готова была расцеловать чудесную женщину. Моя книга! Моя любимая, такая дорогая сердцу книга!

⁵ Мне очень жаль, но... (Фр.)

⁶ У меня нет времени, чтобы вернуться (фр.).

– Но как? Где вы ее нашли? Я забыла ее в другом конце аэропорта. – На радостях я перешла с французского на беглый английский.

– Один из пассажиров оставил ее для вас.

– Я не понимаю...

О нет. Я понимаю. Конечно же. Закладка – багажный стикер. Фамилия, имя, место назначения багажа, Лиссабон. На сегодня это был последний рейс в португальскую столицу. Кто-то нашел книгу и не поленился отнести ее в мой гейт. Либо этот «кто-то» должен был лететь вместе со мной.

Я заходила в самолет очень медленно, внимательно вглядываясь в каждое лицо. Бизнес-класс. Первый ряд: пожилая, до неприличия ухоженная швейцарская пара. Второй ряд: какой-то бритиш с ноутбуком. Третий ряд...

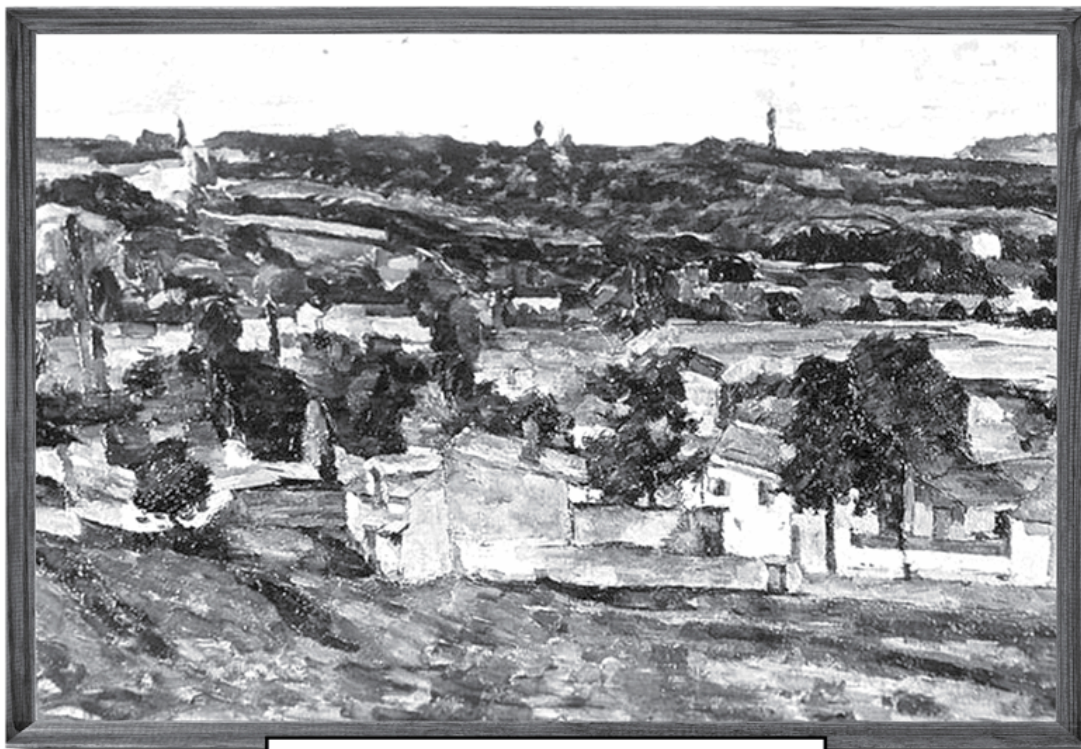
Я притормозила. Легкая седина на висках, сумасшедше красивый профиль, нос с небольшой горбинкой. Похож на того мужчину из ресторана, но не он. Точно не он. Тот был в костюме, этот – в яркой вилибрикеновской рубашке, джинсах и бесподобных грязновато-оранжевых мокасынах. И прическа отличается легкой небрежностью. Я собиралась продолжать путь в свой эконом-класс, но в этот момент пассажир, которого я так тщательно исследовала, оторвался от иллюминатора и повернул голову в сторону прохода. Шрам на мускулистой шее. Я видела его так же отчетливо, как в «La Terazza». Но ведь совсем другая одежда, совершенно другой стиль с интервалом в каких-то сорок минут, да и что вообще? Мысль оборвалась практически мгновенно, потому что мужчина в упор смотрел на книгу в моей руке. Затем он перевел взгляд на меня, сделал легкий кивок головой и произнес одно-единственное слово:

– Мадемуазель...

Слегка поклонившись в ответ, я зашагала в другой конец самолета. Это был тот самый рейс, когда мне хотелось лететь бизнес-классом. Я бы променяла все бизнес-перелеты в своей жизни, чтобы еще раз посмотреть в эти глубочайшие и такие холодные глаза. Чтобы просто сказать спасибо. Если, конечно, я не ошиблась и именно этот человек вернул мою книжку. Если это вообще был один и тот же человек. С преображением что-то явно не складывалось.

Gate B8: Lisbon

Поль Сезанн
«Вид на Овер-сюр-Уаз»
Дата создания: 1880 г.

Украдена из музея Эшмола в Оксфорде в новогоднюю ночь с 31 декабря на 1 января 2000 года.

Текущий статус: местонахождение картины остается неизвестным.

Лиссабону удалось впечатлить меня сразу на выходе из аэропорта: город приветствовал посетителей километровой очередью на такси. Колеса чемодана позвякивали и хрустели от продолжительного соприкосновения с неровностями асфальта, и я побаивалась, что они окончательно сотрутся, когда мы наконец займем свое почетное место в бесконечной веренице людей. Ну, где же конец этого кошмара? Где дно этой вечной пропасти? Как только мне начинало казаться, что финишная прямая к достижению цели вот-вот да нарисуеться, как из-за тысячи интернациональных голов выплывала следующая пара сотен кепок, шляп, кудрей и седин. В такой ад я попадала лишь дважды в жизни, и оба раза это происходило в Лас-Вегасе. Правда, там ситуацию подогревал отчаянный дождь и американец, который два с половиной часа без умолку болтал по Bluetooth со своей френдессой и описывал всех и все, что попадалось ему на глаза. Несколько человек приняли меня тогда за девочку из шоу «Cirque du Soleil», что значительно сократило мой путь к долгожданной желтой машине с пашкой. В Лиссабоне «Цирк Солнца» не выступал, поэтому надеяться было не на что. Оставалось терпеть и ждать, ждать и терпеть, и благодарить небеса за то, что в этом городе я проведу два полноценных дня. То есть, если очередь затянется на пару суток, я переночую на коленях какого-нибудь туриста и в любом случае улечу на остров оранжевых стрелиций, диких орхидей и кисло-сладкой маракуйи.

В отель «Vip Diplomatico» я попала в десять вечера по местному времени. Все мои силы остались на кожаных креслах сегодняшних самолетов, поэтому я напрямик направилась в номер смотреть баталию Стэна-зе-Мэна и Новака Джоковича, которые сражались в финале за титул «US Open». Я лежала на огромной кровати, будучи не в силах стянуть с себя джинсы, пялилась в плазму и нелепо улыбалась, вспоминая, как бродила по нью-йоркскому стадиону Flushing Meadows с настоящим бейджином липово аккредитованных СМИ. Первенство моих любимых игроков раз и навсегда возглавил Роджер Федерер, и я, естественно, посещала все матчи с его участием. Лучший, эрудированный, воспитанный, талантливый – первый после Бога. Кумир. Играет с Радеком Штепанеком, которому совсем недавно уступил, чем опечалил своих фанатов во всем мире. Я сижу в кепке с логотипом RF в козырной ложе для масс-медиа, наблюдаю за тем, как трудятся мои «коллеги-журналисты» и переживает отец Роджера, и даже не пытаюсь притворяться, что делаю хоть какие-то заметки в блокноте. И вот совершенно фантастический розыгрыш, обратный кросс, Роджер обводит Штепанека, стадион встает, я встаю вместе с ним и кричу: «С’тмоооооооооо!» Журналисты от неожиданности роняют свои айпады, смеются и обвиняют меня в нарушении тишины и отсутствии профессиональной этики. «О нет, господа и дамы, я очень профессиональна. Мне двадцать два года, я люблю жизнь и авантюризм, за треть цены снимаю номер на двадцать восьмом этаже «Grand Hyatt» вместе с ведущими игроками мира, сижу в одной с вами ложе и смотрю матч самого гениального теннисиста за всю историю, не имея ни малейшего представления о газете, на которую якобы работаю, хотя на вид мне дают не больше пятнадцати лет. Вы бы так смогли, сладкие мои американцы?» В этот день папа Роджера Федерера крепко обнял меня со слезами на глазах после победы любимого сына. Он пил пиво, а я – дайкири, который мне отказывались продавать без предоставления ID⁷.

Воспоминания захлестнули меня с такой отчаянной силой, что пробудили желание исследовать мини-бар. Из всех напитков и имеющихся снежков меня заинтересовало красное португальское вино, но в номере почему-то не оказалось штопора. Зато был балкон, огромный, старенький, со звездным небом над головой и расположенной под странным углом террасой прямо на крыше здания. Вид на город не смогли испортить даже «Ritz» и «Intercontinental», бьющие в глаза мелькающими огнями своих парковок и ресторанов. Судя по всему, я жила в правильном месте, но это не отменяло неуместного отсутствия штопора. Выбора не было: либо спускаться в бар, либо выть на луну и сгущающиеся тучи.

В баре не было никого, кроме одинокого немца, облизывавшего пивную кружку. Приглушенное освещение, темно-зеленые стены и миниатюрная мебель придавали этому месту какой-то особенный шарм, который только выигрывал от развешенных в нишах картин. Заполучив столь желанный бокал красного, я принялась исследовать рамы и изображенных на холстах людей. Из четырех работ мне была знакома лишь одна.

– Манэ великолепно рисовал, вы не находите? – заговорил немец.

– Я не нахожу, что это Манэ, – ответила я по-немецки.

Мы с ним смотрели на одну и ту же картину: опечаленная девушка с белым кружевным воротничком. На столике перед ней стоит рюмка, а рядом сидит мужчина в черной шляпе и сигарой в зубах. Девушка припустила ресницы, ее глаза полны грусти и неизбежности. Длинная коричневая юбка слегка касается деревянного пола и закругленных башмачков, а на подносе стоит пустой графин.

– Это Манэ, поверьте мне на слово, – настаивал немец.

– Это не Манэ. Приятного вечера!

– Я готов с вами поспорить.

⁷ Удостоверение личности (англ.).

Спорить с немцем? Смешно. Я не знала названия картины, не помнила, кто ее создал, но и сомнений не было: это не Манэ. Она точно попадалась мне в книге, забытой в женевском аэропорту. Ох и глаза... твои холодные глаза... Непроизвольно вспомнился человек со шрамом на шее. Черт! Ну кто же ее нарисовал? Сосредоточься. Щелчок в голове и:

– А на что вы готовы поспорить? Я считаю, что эта картина – дело рук Дега.

– Нет и категорически нет.

– Давайте поступим следующим образом: если я докажу, что это Дега, вы оплатите мой счет. Если я не сумею – оплачу ваш.

Немец внимательно изучил мой столик с одиноким бокалом и, видимо, прикинул, что игра стоит свеч. Меня же, в свою очередь, распирало от смеха, потому что я знала, с каким трудом немецкие мужчины отрывают от себя четыре евро, угощая тебя чашкой кофе. В Европе принято платить поровну. Какие там гусары-офицеры...

– Договорились!

Немец принял непростое для себя решение и таки попался в сети.

– Дайте мне несколько минут, – произнесла я, вставая из-за столика. – Я скоро вернусь.

Перед тем как направиться к лифту, я обратилась к пожилой женщине-бармену с просьбой приготовить для меня лучшую бутылку вина и желательно откупорить ее, чтобы я смогла забрать приз к себе в номер. Она учтиво кивнула, одарив меня нежной улыбкой. Немец насто-рожился. Видимо, он что-то понимал по-английски.

Поднявшись на девятый этаж, я распахнула двери номера и бросилась к книге. Импрессионизм: страницы, страницы, страницы, багажный стикер, Pictures created from Light and Colour, The Circle of the Impressionists, Edouard Manet, Camille Pissaro, Gustave Caillebotte, ну же... Edgar Degas.

– Мне очень жаль, – сказала я через несколько минут, приблизившись к немцу с толстенной книгой в руках. – Вы были правы: на этой картине рядом с грустной девушкой изображен художник Марселен Дебутен. Он был страшно богат, но в какой-то момент разорился и не стыдился этого. Напротив, он вел богемную жизнь и относился к нищете с легким кокетством. Его обожали импрессионисты, и Эдуард Манэ неоднократно приглашал его позировать для своих картин, чтобы выручить друга из лап бедности.

Я выжидала. Немец самодовольно улыбнулся и развел руками. Мол, учитесь проигрывать, фройлин. И вот тогда пришло время пустить пулю в лоб:

– Как я и сказала, Дебутена очень любили импрессионисты, включая Дега. Картина в моей книге очень похожа на ту, что висит на стене напротив, вы не находите? – При этом я распахнула книжку на нужной странице. – Оригинальное название «В кафе» Эдгара Дега быстро заменили на «Абсент» благодаря одному из романов Эмиля Золя, который...

Немец не слушал. В ту секунду он меня ненавидел. Ненавидел настолько сильно, что был не в состоянии этого скрыть.

– Спасибо за угощение и прекрасного вам пребывания в Лиссабоне, – поблагодарила я и, прихватив с барной стойки приготовленную для меня бутылочку португальского вина, вернулась в номер.

Стэн выиграл у Джоковича, лиссабонский дождь, заставший меня на балконе, оказался сладким на вкус, и я с чистой совестью нырнула под мягкое одеяло. Меня ждал неизведанный город и новая жизнь. Засыпая, я чувствовала, как губы расплываются в мягкой улыбке. «Спасибо, что вернули мне книгу. Спасибо за это вечернее невинное приключение...»

* * *

Во время утренней пробежки я осознала, насколько была права. У отеля оказалось превосходное месторасположение – ровно два шага до парка Eduardo VII, где я, собственно, и

бегала. Двадцать шесть гектаров земли и простора, переименованных в честь британского Эдуарда VII, который завернул в Португалию в 1902 году, дабы поспособствовать укреплению отношений между двумя державами. Я не была знакома с господином Эдуардом, но очень ему симпатизировала, так как он оставил после себя совершенно замечательный след. Парк плавно переходил в Avenue de Liberdade – километровую центральную улицу, сконструированную по аналогу с парижскими Champs Elysee. При всей моей фанатичной любви к французской столице лиссабонские «Елисейские Поля» мне нравились больше. Они пахли свободой и не имели ничего общего с вечной толпой и временами назойливой арабской прослойкой Франции. Вымощенный мелкой мозаикой променад, роскошные кроны деревьев, таранящих синее небо уходящими в бесконечность верхушками, элегантные витрины «Gucci», «Hermes» и «Zegna» – каждая мелочь, каждая деталь отдавали безупречным вкусом и прекрасно вписывающимся в атмосферу минимализмом. Город влюблял, завораживал. Он не осознавал своей красоты, как самоуверенный Париж, который всем своим видом дает понять, что да, я такой, я – шик, я – лоск и сплошное обаяние, и я знаю, что ты меня любишь. Он не кичился своим имперским прошлым, как аристократичная Вена, которая сияет и под настроение заигрывает с тобой своим жемчужным блеском. Он не гордился свободой действий, как развратный Амстердам, который предлагает секс и наркотики на любой вкус и цвет. Лиссабон застенчив и скромн. Он позволяет рассматривать себя со всех сторон, потому что у него нет другого выхода. Потому что он существует. Потому что солнце пригревает его нежно-красные черепичные крыши своими лучами, и никуда от этого солнца не деться. Потому что он – часть мира, но каким-то чудесным образом впитал в себя все самое лучшее: свободу, достоинство, скромность и уникальную красоту. Красоту не в классическом ее представлении – красоту с изюминкой и доступную далеко не всем. Этот город пропитан запахом стирального порошка, свежестью океанических ветров и колоссальной добротой своих жителей. Он бывает разным, естественным и таким настоящим, словно сильная личность, словно человек, знающий свои недостатки и шрамы, но не скрывающий их. Построенный на семи холмах, как и Рим, Лиссабон старше и опытнее. Самый старый город в Западной Европе, обогнавший по возрасту Париж и Лондон. Он сильный, но его не хочется ранить или чем-то обидеть. Я прониклась к нему такой нежностью, что даже когда торговец наркотиками предложил мне сверточек хэша в темноватом переулке, я растрогалась и ответила:

– Простите, я бы с радостью, но мне очень плохо после этой штуки.

– Ничего страшного, – отнесся с пониманием португалец, – я продам это кому-нибудь другому. Вам нравится в Лиссабоне?

О да! Мне нравится в Лиссабоне! Нравится, что он заставляет забыть о Берлине и Гамбурге, об отношениях и загнанной в угол любви, о прошлом и будущем. Только здесь и сейчас. Национальный музей искусства, бесподобный порт и семнадцатикилометровый мост Васка да Гама – самый длинный в Европе. Только здесь и сейчас ветер бросает в глаза мои длинные волосы, а пурпурная клубника и насыщенно зеленая мята тают на языке после глотка прохладной сангрии в районе Саїхо. Корабли вальяжно расходятся в разные стороны, боясь потревожить речку Тежу, которая может впоследствии пожаловаться влиятельному товарищу океану. Говорят, что с этим парнем шутки плохи. Достаточно одного взгляда, чтобы понять его могущество, когда он находится не в лучшем расположении духа. Он готов убить, поглотить и разорвать на части, потому что ему нет никакого дела до наших плачевных молитв и смешных религиозных убеждений.

Добравшись до Baixo Alto, я избавилась от карты. В старом городе хотелось заблудиться: просто взять и навсегда затеряться в его пестрых гирляндах, антикварных лавках Антонио и Паоло и разноцветных затертых домишках. Как же вкусно пахнет свежестиранное белье, которое развеивается благодаря ветру, как флаги всех известных и неизвестных стран! Как будоражит запах дорады, сибасса, чеснока и лимона! Я сбилась с курса настолько, что случайно

добрела до музея марионеток, который казался краем города и цивилизации. Сотни кукол корчили мне рожицы, шевелили руками и напоминали о «Синдроме Петрушки» Дины Рубиной. Их общество меня вполне удовлетворяло, но день близился к закату и лимит времени еще никто не отменял.

В тот момент, когда я шагала по тихой улице в неразношенных розовых кедах, заметно ощущая усталость в ногах, мне на голову посыпались осколки разбитого стекла. Я инстинктивно прикрыла макушку руками и прижалась к теплой стене дома. В следующую секунду на ту же голову обрушился настоящий русский мат:

– Долб...еб, бл...дь. Ты чуть ее не убил.

Убедившись, что стеклопад благополучно завершился, я подняла глаза вверх. Из окна третьего этажа выглядывала неприятная русская рожа, которая интересовалась по-португальски, все ли у меня в порядке. Высота не помешала порыву воздуха донести до меня сильнейший запах перегара.

– У меня все в порядке. Сожалею, что долб...еб – это единственно возможная для вас профессия в столице Португалии.

По родной речи я явно не скучала и скучать не собиралась. После противного инцидента захотелось чего-то красочного и позитивного, поэтому я наградила себя прогулкой по живописной набережной. Чайки будоражили воздух надорванным криком, музыка окутывала тело ласковой паутиной, а мечты крепко хватались за фантазию и вырисовывали сумасшедшие перспективы. Я вспомнила, как хорошо быть одной и принадлежать лишь себе. Какой-то парень тормознул меня возле кафешки и предложил пожертвовать пару евро в помощь бедным лиссабонским семьям. Почему бы и нет? Взамен он предоставил мне на выбор браслетик или символический значок, подтверждающий мое активное участие в процветании португальской столицы. Браслет оказался очень даже милым.

– Раз уж вы меня остановили... Не подскажите, как мне дойти до центральной улицы? Я сегодня прошагала более тридцати километров. Ноги отваливаются.

– Элементарно. Идите прямо. Когда окажетесь возле огромной площади, обратите внимание на Триумфальную арку. Похожа на парижскую, но наша, конечно, лучше. – Он застенчиво улыбнулся. – Пройдете под аркой и упретесь в площадь с фонтанами. А дальше разберетесь. Тусовочная Rua Augusta и Avenue de Liberdade перед вами.

Лиссабон настолько меня принял, что сделал скидку на мой топографический кретицизм. Удивительно, но я ориентировалась как рыба в воде. Никаких тебе карт и GPS – их заменило общение. Не знаешь, куда идти – спроси. Хочешь узнать тайны города – спроси. Владелец антикварного магазина с удовольствием рассказал мне о том, что знаменитые ярко-желтые лиссабонские трамваи в действительности дело рук американцев, что попробовать настоящий десерт «Pasteis de nata» можно только в одном правильном месте «Casa Pasteis de Belem». Секрет этого десерта знают лишь пять человек во всем мире, и они никогда не летают одним самолетом, опасаясь авиакатастрофы. Погибнет знаменитая пятерка – погибнет и достояние нации. Восьмидесятилетний португалец завалил меня историями о том, что Лиссабон был пристанищем лучших шпионов мира, которые базировались на пляжах «Estoril». Азартные игры на большие деньги и высокие ставки являлись отличительной чертой этого места, поскольку богачи со всей Европы бежали туда от Второй мировой войны в поисках новой жизни. Именно там обосновался Ян Флеминг, создавая своего агента 007 и работая на «British Naval Intelligence». Да и вообще, девочка, Лиссабон никогда не был признан столицей на бумаге, и мы первые начали импортировать «Guinness» из Ирландии. Ну, как не проникнуться, как не расцеловать такого человека?

* * *

В отель я попала поздно, не в состоянии пошевелить верхними и нижними конечностями. Немец сидел все в том же камерном баре под картиной Дега. Я не смогла отказать себе в удовольствии поздороваться с человеком, которого так тонко развела на бутылку отменного вина.

– Добрый вечер! Не желаете ли узнать, кто изображен на портрете слева от вас?

Он не желал. Ни новых познаний, ни меня. Об этом свидетельствовал небрежный жест рукой – «уйди, мол, с глаз долой». Как же легко травмировать немецкого гражданина, в планы которого не входило потратить на тебя пятьдесят евро.

– Как хотите... Мне вчера показалось, что вам нравится импрессионизм и современное искусство. – Я отправилась в номер, помахав ему на прощание ручкой.

Итак... чему посвятить завтрашний день в Lisboa? Я корпела над картой и ссылками «TripAdvisor». Те немногие знакомые, которым повезло оказаться в этом городе, говорили мне, что здесь нечего делать более двух дней. Да ну? А галереи? А масонская Синтра? А эти подземные римские катакомбы, которые открыты для посетителей лишь раз в году? А десятка лучших руфтопов, где перехватывает дыхание? Мой взгляд остановился на замке St. Jorge. Решено. Завтра. Только туда.

* * *

Что такое панорама? Что такое счастье? Что такое фортуна? На все эти вопросы St. Jorge ответил на следующий день. Ты доходишь до площади Restaurande, становишься ближе к облакам, поднявшись на три сотни ступенек... и все – теряешься, как и все остальные туристы. Я забрела на какую-то тупиковую улочку со странным заведением «Keep calm&Enjoy our view»⁸. Ну, о'кей, допустим. Заведение находится под или над замком? Крутая винтовая лестница напоминала дорогу в неизвестность. Меня встретили канарейки в клетках и бородатый мужик с оружием за поясом. Большой привет.

– Вы гость? – прошептал он.

– Да, – не моргнув, соврала я.

– Здесь сейчас съемки фильма. Мы выкупили этот хостел на два дня. Простите за неудобства.

– Да ничего. А что снимаете?

– Качественное кино.

– А можно познакомиться с режиссером?

– Да, но он сейчас занят. Подождите наверху. Я вас позову.

На каком верху? А, понятно, на каком: жутковатый подъем без перил и ограждений и импровизированный бар, где можно было наслаждаться тем самым обещанным view. Бесконечно страшно и невероятно красиво. Пара охмелевших трупов и затрепанные рюкзаки не смогли испортить вид на уникальный город. Я подкурила сигарету как раз в тот момент, когда ко мне приблизился чрезмерно волосатый португалец:

– Вы очень красиво курите!

– Да ну... Говорят, у меня чересчур детская внешность для сигареты.

– Врут. Вы когда-нибудь снимались в кино?

– Нет. С режиссерами меня связывали лишь краткосрочные романтические отношения.

– Вы будете курить в моей массовке, – расхохотался португалец.

⁸ Сохраняй спокойствие и наслаждайся нашим видом (англ.).

- Так вы и есть режиссер?
- Именно. Не похоже, чтобы вы жили в этом хостеле.
- Не похоже, чтобы вы снимали качественное кино, – пошутила я.
- Так вы готовы покурить на фоне обрыва?
- Да ради бога. А как фильм будет называться?
- «Прости меня».
- За что?
- Не за что. Это название фильма.
- Ясно. Ну, пойдете курить. Точно не порно?
- Нет. Романтический нонсенс.

Меня усадили за столик на обещанном краю обрыва. По сюжету фильма рядом расположилась пара на грани истерики и расставания. Мне нужно было искоса поглядывать вдаль, пускать лирические кольца серого дыма и всем своим видом давать понять, что одиночество – штука грустная и чрезмерно тоскливая. Не знаю почему, но мои плечи сотрясались от хохота и безлимитного счастья. Пошла одна в замок... Мне постоянно хотелось смотреть на исполнительницу женской роли первого плана и подавать ей знаки утешения: «Да бросай ты этого лощеного кретина, посмотри, как мне хорошо в обществе сигареты...»

– У вас слишком довольное лицо, – подал голос режиссер. – Страдайте, всмотритесь в пропасть. Вы одна. Курите вдумчиво и со вкусом.

Актриса билась в конвульсиях, глядя на меня, а я истекала слезами и содрогалась от неконтролируемого смеха.

– Простите, я не могу курить с должным трауром, – наконец-то выдавила из себя я. – Где замок? Выше или ниже?

Замок оказался чуть выше, со всеми своими видами на яркую черепицу, с возможностью рассмотреть мелочи и деревянные пентхаузы, с перспективой на нечто, напоминающее любовь, с привилегией заказать бокал вина от «Wine with the view» у девочки Каролины, с каменными, прогретыми лучами нишами, где можно бесконечно наблюдать за солнцем, площадями и перевоплощающимися в мимолетный душ фонтанами. Интерьер меня мало интересовал. Достаточно было того, что этот район колоссально пострадал во время страшнейшего землетрясения в 1755 году. Город дрожал и сотрясался на протяжении шестидесяти минут, а сопутствующее цунами приумножило количество смертей и глобальных разрушений. Королева словно предчувствовала приближение катаклизмов и предложила мужу уехать куда подальше. Как же вовремя срабатывает интуиция у гениальных женщин... О прошлом напоминало все. Правда, попугайчики пели в прикрепленных к подоконникам клеткам, а люди продолжали вести свою скромную жизнь, подсушивая адидасовские футболки на тонких веревочках.

В гостиницу пришлось вернуться засветло, так как вылет на Мадейру оказался чрезвычайно ранним. Заказывая такси на рецепции, я по какой-то неведомой мне причине утвердительно кивнула головой в ответ на вопрос, разбудить ли меня звонком в номер. Обычно я рассчитываю на собственные силы и противный звук будильника в айфоне, но почему бы не подстраховаться? Перспектива вновь собирать чемодан меня не прельщала, поэтому я как можно дольше сидела на полюбившемся мне балконе. Терраса на последнем этаже не давала мне покоя. Накинув кардиган на ночную рубашку, я прикрыла дверь номера и потопала по ступенькам вверх. Надпись на входе призывала: «Не входить. Опасно для жизни!» Ручка легонько поддалась, и дыхание остановилось от резкого потока холодного воздуха и вида на ночной Лиссабон. Как же ты прекрасен, друг мой! Огни тебе к лицу. Они подчеркивают безукоризненные скульптуры твоих холмов и фасады католических церквей с расписными деревянными потолками и электронными свечами... Как же красиво... А можно, чтобы это не заканчивалось?

Нельзя. Все заканчивается. Если бы не звонок в номер, я бы не проснулась. Впервые в жизни забыла завести будильник. На ходу почистив зубы и упаковав разбросанные вещи в

огромный чемодан, я с закрытыми глазами застегнула рваный джинсовый комбинезон и пулей понеслась на рецепцию. Сегодня я окажусь на Мадейре, а мой самолет совершит посадку в одном из самых опасных аэропортов мира. В холле гостиницы я на секунду остановилась, подмигнув на прощание девушке Дега. Увидимся через месяц, печальная красавица. Увидимся, если я вернусь.

«Санта-Катарина» и Уильям Рейд

Микеланджело Меризи да Караваджо
«Рождество со святым Франциском
и святым Лаврентием»
Дата создания: 1609 г.

Украдена в Палермо из часовни Сан Лоренцо в 1969 году.
Текущий статус: картина уничтожена.

Звание одного из самых опасных аэропортов мира определенно нужно заслужить. Когда я читала об этом в примитивных статьях из серии «25 поводов пить валерьянку перед посадкой» или «10 фото, которые повлияют на ваше кровяное давление», то абсолютно ничего не чувствовала. Да, красиво. Бесспорно – необычно. Ну и что, что в Куршевеле посадочная полоса напоминает лыжную трассу? Садись себе и садись, как на сноублейдах. Ну и что, что на Сен-Мартен здоровенная птица, расправив крылья, пролетает над головами обнаженных пляжников, едва не коснувшись всклокоченных волос? Конечно, это отличается от окружающих ореолом надежности посадок в аэропортах Франкфурта, Вены или Берлина, где стюардессы или соседи по A\B\C будят тебя после приземления. Но «опасность» – нет, не верится.

Аэропорт «Санта-Катарина», Мадейра. Мелодично ведь звучит? Более того, со стороны это еще и безумно красиво выглядит. Я боялась проспять посадку. Ну, раз уж «Святая Катарина» занимает почетное пятое among the most dangerous airports⁹, какой там спать после двух часов пребывания на закрытой лиссабонской террасе? Лететь всего-то навсего полтора часа. В арсенале авиакомпании «TAP Portugal» оказался очень вкусный кофе, ягодный сок, незабываемый рассвет и ветер с турбулентностью на десерт. И скрытый ужас в глазах людей. Когда я увидела предполагаемое место посадки, я улыбнулась. Браво, девочка! Это, пожалуй, лучше, чем охота на карликовую акулу в океанических водах. Это что такое? И как сюда вообще можно посадить самолет, если короткая посадочная полоса находится над обрывом и бушующими волнами?

Самолет сделал резкий крен и попытался приземлиться. Как говорится, первый блин комом. Мы не смогли сесть, и летающий аппарат пошел на разворот, чтобы повторить попытку. Бесполезно и без шансов. Ветер был настолько безграничен в своей ярости, что нас швыряло из стороны в сторону вместе с ручной кладью, которая периодически вываливалась с открывающихся багажных полок.

– Мы не сядем, – вздохнул мой сосед-португалец.

– Что значит «не сядем»? – насторожилась я.

– Слишком сильный ветер.

– Но нам ведь дали разрешение на вылет из Лиссабона. – Я пыталась ухватиться хоть за какую-то ниточку. – Они же знали, что здесь такой ветер?

– Да, но это Мадейра, мисс. Когда мы вылетали из Лиссабона, здесь могло быть тихо и спокойно, как в гробу. Никто не способен предугадать настроение местного ветра. Иногда он спит, но если уж просыпается – ничего не поделаешь.

После метафоры с гробом я непроизвольно поежилась:

– Вы часто бываете на Мадейре?

– Довольно часто. Я здесь живу, – подмигнул португалец.

– Так, а что мы будем делать, если пилот не сможет сесть? Бл...дь, – из меня автоматически вырвалось распространенное русское слово, потому что мы пошли на третий круг и самолет трянуло так, что ремень безопасности больно врезался в нижнюю часть живота.

– Либо вернемся в Лиссабон, либо полетим в Порто-Санто.

– Куда-куда мы полетим?

– В Порто-Санто. Это остров, на котором временно жил Колумб.

В тот момент биография Колумба интересовала меня меньше всего на свете. Третья попытка спланировать ознаменовалась абсолютным провалом.

⁹ Среди самых опасных аэропортов (англ.).

– Так, а как потом добираться из Санто-Порто? – я уже просчитывала возможные варианты.

– Порто-Санто, – поправил меня сосед. – Плыть.

– В каком смысле плыть? – Сил противостоять нервному смеху больше не было. Мы пошли на четвертый разворот.

– На пароме. Пожалуй, это уже рекорд.

– А долго плыть? Вы сейчас о каком рекорде?

– Не очень. Около двух часов. Знаете, за всю свою жизнь я садился здесь максимум с третьего раза. А сейчас уже четвертая попытка.

– Мои поздравления... – невнятно проямлила я.

Мне казалось, что встроенная прямо в обрыв полоса станет неотъемлемой частью моих кошмарных сновидений. Пятый круг... Пятый... Ну, давай же... Я уже готова была плыть хоть десять часов, лишь бы не кружить в небе под оханье перепуганных пассажиров.

– А неудачные посадки здесь были? – Черт дернул меня за язык.

– Да, но мало, – кивнул сосед. – Пилоты, которым разрешено совершать посадку в аэропорту Мадейры, получают специальную лицензию. Они – великие профессионалы. В 1977 году произошла крупнейшая авиакатастрофа в истории португальской авиации. Во время третьего захода на посадку боинг врезался в гору. Часть его отвалилась и рухнула с обрыва прямо на пляж. Погиб сто тридцать один пассажир. В том же злополучном году еще один самолет сел прямо на воду. Погибло тридцать шесть человек. Говорят, это случилось из-за оптического обмана. Затем наши власти пришли к выводу, что полосе необходимо продлить.

– Я поняла, спасибо...

Мы сели с шестого раза. С ШЕСТОГО! Не помню, чтобы я когда-либо так громко хлопала. Когда мы получали багаж, а экипаж скромно проходил мимо наших выживших чемоданов, весь терминал зааплодировал на бис. Как же здорово смотрелась команда «TAP Portugal», шагающая в одинаковой униформе на фоне сурового океана! Это были люди, которые с помощью опыта и идеальных расчетов постоянно вступали в борьбу с мощнейшей стихией и противостояли ее изощренным прихотям.

Первым делом я позвонила Жоржу – владельцу квартиры, которую я сняла через AirBnB. По телефону мы говорили впервые, и я не была уверена, как правильно произносить его имя – Хорхе или Жорж.

– Жорж?

– Джулиа? – ответил приятный мужской голос. – Ты уже в Фуншале или вас вернули в Лиссабон? Сегодня жуткий ветер.

– Да, Жорж, спасибо, все в порядке. Сели с шестого раза. Я, правда, не знаю, в Фуншале ли я. Аэропорт находится в каком городе?

– В Санта-Круз.

– Тогда и я в Санта-Круз. На сайте написано, что чек-ин в 14.00. Я сейчас возьму такси, приеду в Фуншал и где-нибудь погуляю.

– Не выдумывай. У тебя было не самое легкое утро. Квартира давно готова. У тебя остался адрес, который я скидывал?

– Конечно.

– Едь по этому адресу и жди меня возле входа в музей. Надеюсь, что доберусь туда раньше, чем ты.

– Не спеши, пожалуйста. Спасибо, что не заставляешь меня ждать до двух часов дня. До встречи.

В английском языке размыта разговорная граница между обращением на «ты» и «вы», поэтому у меня сразу же возникло ощущение, что с Жоржем мы знакомы всю жизнь. Когда таксист мчался по красивейшим горным дорогам, периодически занырявая в таинственные

тоннели, я себе и близко не представляла, какую роль Жорж и его квартира сыграют в моей судьбе.

С моим счастьем, водитель такси перепутал музей. Castada de Santa Clara – одна из самых исторических улочек Фуншала, узкая и непревзойденная в своей уникальности. Моя квартира находилось напротив дома-музея «Frederico de Freitas», но мы с чемоданом по ошибке оказались возле «Museu da Quinta das Cruzes».

– Жорж, это снова я. – Оставив багаж возле кованых ворот музея, я разгуливала с айфоном взад-вперед. – У тебя же дом номер 16, верно? Мне кажется, что меня высадили чуть выше. Музей другой.

– Я понял, где ты. Жди там, мне нужно сделать небольшой круг.

Честно говоря, я высматривала юношу-португальца на дребезжащем мотороллере. Почему-то у меня были связаны именно такие ассоциации с непринужденной островной жизнью. Когда ко входу в музей подъехала вылизанная до блеска BMW моей любимой серии, я подумала, что такие современные машины прекрасно гармонируют с античными двухэтажными домами и мозаичной парковкой. За рулем сидел импозантный мужчина в темно-синем костюме и что-то оживленно обсуждал по телефону.

«Интересно, что он делает возле закрытого в воскресенье музея? Наверное, ему сейчас откроют ворота, он припаркуется во дворе и направится в расположившийся неподалеку особняк», – предположила я.

К моему грандиозному удивлению, мужчина вышел из машины, приветливо махнул рукой кому-то из охраны и одарил меня жемчужной улыбкой:

– Джулия! Я – Жорж. Надеюсь, что не заставил тебя ждать.

Я заулыбалась, стараясь скрыть легкое смущение – уж больно не совпадал реальный образ владельца моей квартиры с лохматым юнцом на поцарапанном скутере.

– Очень приятно, Жорж.

Он ловко забросил в багажник мой чемодан и приоткрыл пассажирскую дверь.

– Добро пожаловать домой, мисс. Мы почти на месте.

После такого приветствия и внешнего вида владельца моего будущего жилища сомнения в соответствии качества квартиры идеальным фото на AirBnB сразу же отпали. Жорж протянул метров сто по обворожительному переулку, остановил машину прямо на проезжей части и, выскочив на минуту, открыл дверь одного из двухэтажных домов:

– Квартира на втором этаже. Дай мне несколько секунд. Я припаркуюсь у церкви и все тебе покажу. Мне еще нужно захватить из багажника пару вещей.

Ширина улицы едва достигала двух метров. Интересно то, что вход в дом находился прямо на проезжей части, по которой то и дело шныряли различные автомобили. Тротуар и пешеходная зона располагались с противоположной стороны переулочка. Другими словами, если бы архитектор допустил незначительную оплошность, то я бы выходила из подъезда, сбивая дверью зеркала скатывающихся вниз машин.

Поднимаясь по дубовой лестнице на второй этаж, я обратила внимание на фантастические орхидеи и стрелиции в огромных глиняных горшках. Место с душой поразительной чистоты...

Жорж присоединился ко мне через считанные минуты. Распахнув темно-зеленые ставни, он открыл мой новый волшебный мир: льющий из окон свет подчеркивал каждую созданную со вкусом деталь интерьера. Безупречность – вот единственная подходящая характеристика для этой квартиры. Если бы я заново создавала дом моей мечты, то скорее всего он был бы именно таким.

– Жорж, как же мне нравится! А эта тихая терраса и вид на горы с черепичными домиками...

– Ночью все будет в огнях. – Жорж сиял. – Тебе понравится еще больше, и я надеюсь, что ты найдешь вдохновение для своей книги. Я был тронут твоим сообщением и сразу подтвердил бронирование. Теперь смотри... Это кухня: здесь есть все. Вот ножи для рыбы, вот штукovina для экзекуции над лобстерами. Таблетки для стиральной и посудомоечной машины. Капсулы для кофемашины. Не знал, какой кофе ты предпочитаешь, поэтому купил четыре вида. Еще кое-что. Я переживал, что ты не успеешь позавтракать – в холодильнике семь разновидностей джема, масло, соки и молоко. Здесь – тостер и тостовый хлеб. Я купил тебе хлопья, круассаны и две упаковки воды...

Он продолжал говорить бесконечно, а я словно прилипла к дубовому паркету, застыв в абсолютной растерянности. Мой опыт съема жилья через AirBnB не отличался особой скромностью: Стамбул, Берлин, Гамбург, Дюссельдорф и не только. Все квартиры были прекрасными, все владельцы – милыми интересными людьми, но чтобы кто-то проявлял такую заботу, не видел тебя ни разу в жизни... Комплимент во время «новоселья» стандартно ограничивался бутылкой вина и коробкой конфет, а дальше – каждый по своей программе.

– Джулия, это десятилетняя мадера. Ее лучше всего потягивать с сыром, который лежит на второй полке. Вот аптечка на случай, если ты заболеешь. А это противопожарный набор: специальная огнеустойчивая накидка и огнетушитель.

– Клянусь, Жорж, у меня просто нет слов. Поверь, я не буду готовить в твоей квартире. Она уже слишком дорога моему сердцу.

Бросив на меня серьезный взгляд, Жорж сказал:

– Вообще-то ты должна знать, как пользоваться огнетушителем. Этим летом у нас аномальная жара и никто не застрахован от пожаров. Средняя температура на острове 24–25 градусов, вчера она достигла отметки 37. Ветер ты, к сожалению, почувствовала в самолете.

– Спасибо тебе. Невероятное спасибо. Здесь столько души и света...

– На первом этаже почти такая же квартира, но пока у тебя нет соседей. Дней через десять туда заедет польская пара британцев.

– Смешно сформулировал, – рассмеялась я. – Так это твой дом? Кто создавал всю эту красоту?

– Когда-то одну из квартир снимала моя мама. Они с бабушкой жили в другой части острова, и маме было далеко добирается на учебу. Постепенно бабушка скопила денег и выкупила квартиру под тобой. В то время здесь все было иначе. Затем мама встретила папу и переехала к нему. Но она так дорожила этим местом, что мой отец приобрел перед свадьбой целый дом.

– Впечатляюще... Так здесь жили твои родители?

– Не совсем. У папы был бизнес в Венесуэле, и маме пришлось уехать с ним. Вскоре на свет появился я. Мама ненавидела Каракас, поэтому папа купил нам дом в Майами.

– Знаешь, я могу понять твою маму. Каракас – не лучшее место для женщины с маленьким ребенком. В Берлине со мной учился парень по имени Хосе. Он из очень обеспеченной венесуэльской семьи. Так вот, Хосе похищали такое количество раз, что родители сбагрили его в Европу. Он постоянно болтался между Цюрихом, Женевой и Берлином. Это было гораздо целесообразнее в экономическом плане, чем раз в месяц выкупать ребенка у киднепперов.

– Не позавидуешь, – улыбнулся Жорж. – Мы какое-то время сдавали этот дом местным, но вскоре закрыли лавочку из-за их слишком халатного отношения. В Португалии всю ответственность за происходящее несет владелец помещения.

– То есть?

– То есть, если у тебя в три часа ночи перегорит лампочка, ты имеешь право мне позвонить и пожаловаться. – Жорж многозначительно закатил глаза.

– Черт возьми... Это не мой вариант, поверь. – Я на секундочку представила, как в четыре утра звоню сорокалетнему бизнесмену в костюме от «Бриони» и жалуясь на погасшую в ванной лампочку.

– Во всяком случае, я буду рад тебе помочь. В любое время дня и ночи – все, что угодно. А теперь тебе пора отдыхать. Мне кажется, я тебя заговорил.

– Напротив. Мне очень приятно. Я не ожидала, что все будет именно так.

Мы с Жоржем незаметно проговорили два с половиной часа. Перед тем как меня оставить, он продемонстрировал расположенную этажом ниже квартиру. Она действительно очень походила на мою, но все-таки в чем-то ей уступала. На прощание он снабдил меня паролем от wi-fi и по-португальски расцеловал в обе щеки.

После расставания с Жоржем я немного пробежалась по старому городу, обнаружив, что Атлантический океан находится в трех минутах ходьбы от моего нового, столь уютного дома. Остров сводил с ума. Мне понадобилось менее шестисот секунд, чтобы осознать простую истину: если в нашем мире и существует рай, то имя ему – Мадейра. И да, это рай для людей со вкусом. Я прошла по парку «Санта-Катарина», где ручные лебеди с королевской осанкой расхаживали по зеленым лужайкам и плавали в лазурных прудиках. С обрыва четко просматривались иссиня-черная гавань, белоснежные парусники и разнокалиберные яхты. Бордовый музей-отель «Криштиану Роналдо», сказочная набережная и пестрая крепость с оттенками голая-моголя – какие краски!.. Этот остров рисовал сам Бог. Он тщательно поработал над каждым манговым деревцем, каждым экзотическим цветком, над лианами со свисающими плодами киви, над точеными формами гор и белоснежной океанической пеной. Чуть позже мне предстоит узнать, что все это – результат бесконечного труда местных жителей и волшебной природной силы. А пока... пока мне было очень тяжело после трех часов сна и шести заходов на посадку. Я на скорую руку перекусила в рекомендованном Жоржем ресторане «Dos Combatentes», дважды подставила щеку расцеловавшему меня интеллигентному официанту и, захватив по пути пару паков ягодного сока, отправилась отсыпаться. Малиново-ежевичный нектар я возненавидела навсегда, потому что он в буквальном смысле слова отравил мое первое утро на Мадейре. Впрочем, я сама была во всем виновата...

Проснувшись часов в девять утра в мягкой постели, я лениво потянулась и направилась в сторону кухни. В холодильнике было все для шикарного завтрака, кроме пака столь понравившегося мне сока. Я вспомнила, что оставила его на террасе, и распахнула дверь балкона. Неожиданный поток воздуха сдул меня обратно в квартиру. Да что за чертовщина? Прошлым вечером ветер стих настолько, что можно было различить среди тишины прыжки мадейрских котов, шныряющих между пальмовых деревьев, высаженных во внутреннем дворике. Ладно... Попытка номер два. Я снова открыла дверь и резко шагнула на балкон. Волосы рассыпались по лицу, закрыв полноценный обзор, что спасло меня от первого шока и накатившего ужаса. Сок был везде, кроме крохотного деревянного столика. Кроваво-алые пятна лишь выигрывали на контрасте с белыми стенами террасы. Деревянные стульчики, зеленые ставни, смежная с будущими соседями стена – залито было абсолютно все. Не знаю, с какой неистовой силой ветер метал по балкону картонную коробку, но казалось, что кто-то попросту стрелял виноградом из автомата Калашникова и делал все для того, чтобы от мишени осталась крохотная горстка пепла. Первая пришедшая в голову мысль сопровождалась слезами и эмоциями: «Что ты, идиотка, натворила? Человек сюда душу вкладывал...» Вторая мысль была более рациональной: «Что мне делать?» Я дрожала от злости и обиды, пытаюсь разработать хоть какой-то план действий. В квартире Жоржа можно было найти все: сто видов мочалок, моющих средств, новеньких тряпочек, швабр и веников. Я испробовала разнообразный арсенал оружия: пятна не оттирались. Они намертво въелись в краску и дерево и собирались там жить до ближайшего апокалипсиса. Последняя надежда – Google. Но что я у него спрошу? Как вывести пятна на Мадейре, если ты – дура и по привычке никогда не закручиваешь крышку на коробках с соком?

Google сжалился и благосклонно посоветовал «соль». Соль. Жорж, ну, у тебя же должна быть соль? Да. В огромной стеклянной банке. Крупная, добротная соль.

Возможно, если бы на моем месте оказались португальцы, они бы позвонили владельцу квартиры и сказали: «Знаете, ветер разнес в клочья пак с малиново-ежевичным нектаром и забрызгал весь ваш дом. Сожалеем». Но я была другой. И воспитывали меня иначе. Натворила – разгребай. Безмерное уважение и симпатия по отношению к Жоржу достигали таких высот, что, похоронив мысли об экономии в противоположном углу квартиры, я высыпала на хлопковое полотенце внушительные горсти белых крупинок и изо всех сил втирала их в ненавистные пятна. У меня была непростительно нежная кожа, и с каждым новым движением я ощущала, как она слазит с костяшек пальцев, разрывая их в кровь. Как же пекли пострадавшие участки! Я улыбалась сквозь слезы, вспоминая слова старой кабацкой песни: «Не сыпь мне соль на рану, она еще болит...» Но пятна сдавались, и я побеждала.

Пять с половиной часов борьбы. Стертые к чертям руки и мой личный триумф. Мне даже удалось отмыть стену соседей, ювелирно орудуя шваброй сквозь решетки ограждений. Совершенно не приспособленная к быту и домашнему труду, я заслуживала награды, поощрения и аплодисменты.

Именно по этой причине безжалостный ночной ветер, окровавленные пальцы и отвратительное настроение приведут меня в отель «Reid's», где навсегда изменится моя жизнь.

* * *

Примерно в такое же время года, когда я бросала все силы на борьбу с изувеченным экстерьером, только с разницей в сто восемьдесят лет, человек по имени Уильям Рейд ступил на землю острова Мадейра. Не имея ни гроша за душой и испытывая большие трудности со здоровьем, Уильям скопил денег на билет в один конец. Поговаривают, что в этом сыну шотландского фермера помогли чуть более состоятельные друзья. Чистый воздух и благоприятные климатические особенности острова способствовали относительному выздоровлению, и Рейд принял решение остаться здесь навсегда. Сперва он занимался продажей свежих булочек, что не приносило ощутимых доходов и морального удовлетворения.

Ближе к середине девятнадцатого века на Мадейру постоянно прибывали богатые англичане, которым нравилось отдыхать в своих многочисленных колониях. Если они возвращались домой с берегов Южной Африки, то непременно задерживались на острове на три-четыре недели, чтобы последующая акклиматизация не доставляла слишком больших неудобств. Мадейра служила своеобразным перевалочным пунктом и престижным местом сезонного отдыха. Проблема заключалась в том, что состоятельные люди не могли быстро снять достойную виллу, а вынуждены были проводить несколько дней на так называемых постоянных дворах, лишенных лоска и привычных удобств. Уильям смекнул, что это та самая ниша, в которую можно нырнуть и сколотить приличный капитал. Он заранее бронировал виллы, чтобы богачи могли оказаться в пристойной обстановке сразу же по прибытию на остров. Имея представление о том, что такое спрос, предложение и цена, Рейд моментально сообразил, чего не хватает прекрасному острову. Отеля. Роскошного, дорогого и элегантного. Места, где люди будут чувствовать себя, как дома. Обладая неплохой смекалкой, Уильям присмотрел кусок земли над обрывом и выкупил его за очень большие деньги у местного зажиточного врача. До открытия своего детища Рейд не дожил лишь год, и его сыновья, одержимые страстной идеей отца, поставили красивую точку в завершении его длительного кропотливого труда. Розовое здание на скале с огромными буквами «REID'S» всем своим видом давало понять, почему Черчилль, Рильке и Бернард Шоу выбирали именно его из десятка альтернативных пятизвездочных вариаций. Потому что есть «Reid's», а есть все остальное.

Думаю, не стоит больше вдаваться в подробности и объяснять, почему я заказала ужин в этом отеле в качестве вознаграждения за все мои утренние мучения. К «Reid's» относился мишленовский ресторан «Villa Cipriani». Жорж рассказал мне, что там очень прилично кормят, но столик, естественно, лучше бронировать заранее. И желательно на 19.15 или 19.30, чтобы не пропустить багровый закат солнца над океаном.

Перед тем как переступить порог уютного лобби, я на секунду замерла на парковке отеля. Гуляющие мимо туристы оцепили «Rolls Royce Dawn» и не скупилась истратить на фото весь заряд батарей всевозможных смартфонов. Машина действительно давала почву для размышлений о собственной нищете и несостоятельности. Цвет океанических глубин и ярко-оранжевый кожаный салон убивали наповал, не оставляя никаких шансов на выживание. Неожиданно для себя я вздохнула и, не в силах оторвать взгляд от авто, зашагала дальше. На рецепции меня встретил внушительного возраста португалец – обладатель безукоризненной внешности со звездами «Michelin».

- Я могу вам помочь, мисс? – засияла искренняя улыбка.
- Да, пожалуйста. Мне бы хотелось заказать столик в «Cipriani».
- Конечно, сейчас посмотрим, что я могу вам предложить.
- Я хочу заказать лучший столик, если можно... И закат – это очень важно.
- Вам можно все, – рассмеялся сотрудник отеля.

Мне хватило и дня, чтобы понять, какое впечатление мои длинные рыжие волосы производят на местных жителей. Приблизительно, как кусочек сыра на мышку Джерри. Мужчины просто таяли на глазах, одаривая меня безграничным теплом и нежностью.

– В 19.30 подойдет? Сегодня у нас, на удивление, есть места. Всею виной жара и сильный ветер.

– О да... С вашим ветром я близко познакомилась. Мы прямо породнились. – Я вспомнила утренний инцидент и содрогнулась. – Спасибо вам! Скажите, а я могу спуститься на пляж?

- Можете. Вы проживаете в нашем отеле?
- Нет. – Это был тот редкий случай, когда я не смогла соврать.
- Вообще-то, это платная услуга, но... – снова последовала улыбка, – спускайтесь.

Сегодня там никого нет. Наши гости в большинстве своем – люди в возрасте, и океанический шторм не для них. Будьте осторожны.

– Обещаю. Спасибо. – Я механически приложила руку к левой груди, как будто португалец не знал, с какой стороны находится сердце.

На пляже не оказалось никого, кроме парочки укутанных в полотенца сверстниц Бернарда Шоу. Под синей разлетающей на мне был красочный раздельный купальник, купленный на просторах Вегаса, поэтому соблазн нырнуть в океан победил даже самые высокие волны. Ну что же... Посмотрим, что это такое... Я уже собиралась спуститься в воду по искусственной каменной лесенке, когда меня тормознула группа спасателей в униформе с логотипом отеля.

- Мисс, пожалуйста, не стоит. Сегодня очень сильный шторм.
- Я хорошо плаваю, правда.
- Мисс, мы не можем этого допустить. Риск слишком велик, – тараторили они по очереди.

Я замерла на ступеньках в полном непонимании, что мне делать. Вдалеке я заметила фигуру, которая вытворяла сумасшедшие номера на водном мотоцикле. Jet-Ski – вот что было моей страстью и вечным экстазом. Как он это делал, как рассчитывал повороты, силу и настроение волн?!

- Но ведь вы даже водные мотоциклы выдаете в такой шторм! – запротестовала я.
- Это частный мотоцикл.
- Но вы же пустили его в воду? Почему мне нельзя?
- Потому что это опасно.

– Я справлюсь.

– Нет... Мисс, пожалуйста, выходите из воды. Сегодня купаться запрещено.

Не двигаясь с места и закипая от негодования, я наблюдала, как то, что еще каких-то двадцать секунд назад казалось мне точкой на водном скутере, приобретает очертания необыкновенно красивой мужской фигуры. Так двигается лев, охотник: пластика, раскованность и идеальный расчет.

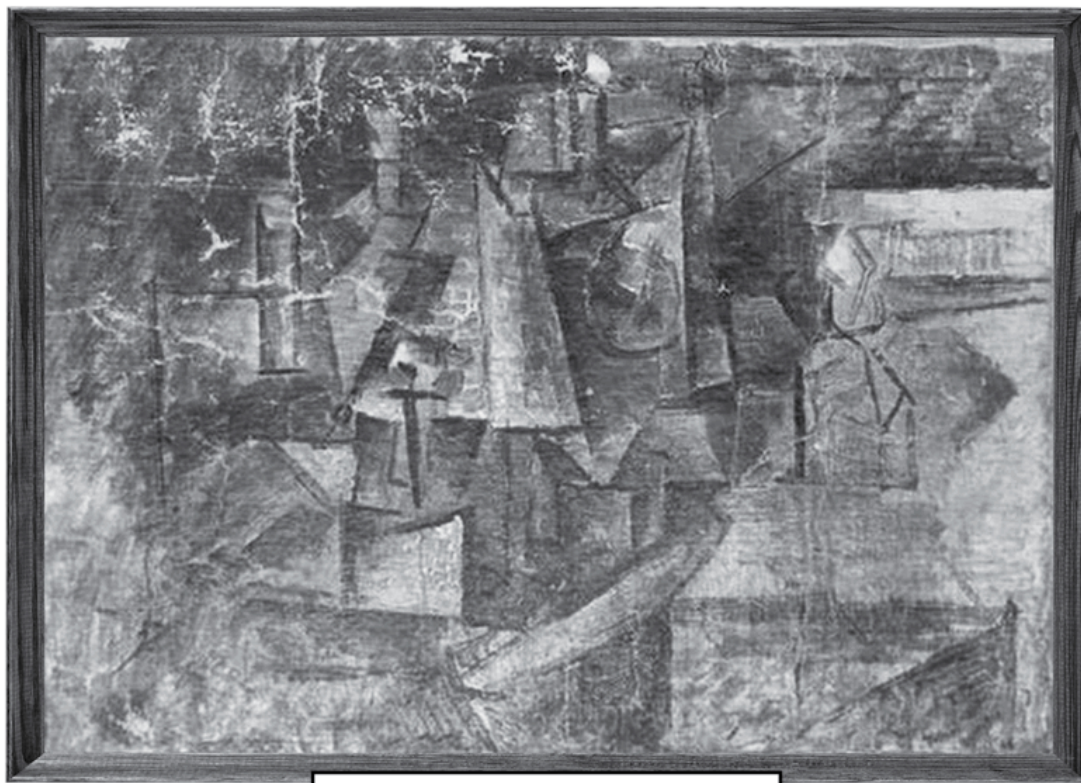
– Мисс, пожалуйста, – снова подал голос один из спасателей «Reid's».

Я больше их не слушала, не видела, не замечала. Придерживаясь левой рукой за веревочный канат и уворачиваясь от разбивающихся о камни волн, я смотрела на приближающегося к нам человека с огромным шрамом на шее. Он оккупировал все мое внимание, он закрыл собой небо и затмил головокружительный шарм океана. В тот самый миг столь понятный и знакомый мне мир раздробился и вывернулся наизнанку.

Женева, книга, самолет, глаза... Твои холодные-холодные глаза.

Стамбульские чаевые

Пабло Пикассо
«Парикмахер»
Дата создания: 1911 г.

Похищена при неизвестных обстоятельствах из хранилища Центра Помпиду в 2001 году. Текущий статус: в 2014 году картина была перехвачена американской службой таможни на пути из Бельгии. Ее передавали почтовой службой «FedEx» в качестве рождественской открытки стоимостью \$ 37. Возвращена Франции.

Спасатели «Reid's» быстро потеряли ко мне всяческий интерес и переключили внимание на моего женеvского «знакомого». Можно было, конечно, воспользоваться благоприятной возможностью и нырнуть в океан, но меня словно пригвоздили к ступенькам лестницы. Не знаю, каково бы мне было, окажись я в воде, но волны били по телу с таким диким остервенением, что сделать шаг в сторону оказалось невозможно, даже ухватившись за прикрепленный к скалам трос. Синяки, однозначно будут синяки из-за низких тромбоцитов. Появление мужчины из самолета не прибавило мне ни сил, ни уверенности. Он обратился по-итальянски к одному из членов спасательной команды и попросил, чтобы они разобрались с его водным мотоциклом. Я очень давно не практиковалась в разговорном итальянском, но языки давались мне с неприличной легкостью, и словарный запас позволял понять каждое произнесенное ими слово:

– Конечно, синьор Инганнаморте, мы все сделаем. Дайте знать, когда снова захотите поиздеваться над стихией. Как тест-драйв? Мощный аппарат, верно?

– Неплохой. Но хотелось бы, чтобы он был мощнее.

– Но мощнее не бывает. Это самая последняя модель. – Итальянец активно жестикулировал в свойственной его нации манере. – В прошлом году у вас была модель послабее.

Синьор Инганнаморте собирался что-то ответить спасателю-итальянцу, но в этот момент заметил мою скромную фигурку. Сперва он просканировал черты лица, затем пробежался глазами по верхней составляющей части яркого купальника и на секунду задержал взгляд на моем мерседесовском шраме – пожизненном сувенире от семнадцатилетней печени, которая в один не очень удачный день отказалась работать. Мерсовский значок очень выгодно смотрелся на фоне моего пресса и бледноватой, еще не успевшей загореть кожи.

Какие же у него были глаза... Холод, лед и расчетливость, утонувшие в самом сердце бесконечности. Я пыталась хоть примерно определить его возраст, но бесполезно. Смуглая, с бронзовым оттенком кожа, легкая седина на висках, подкачанное тренированное тело – ему можно было дать от сорока до сорока восьми. О таких людях обычно говорят: красивый до безобразия. Ничего, абсолютно ничего в его мимике, реакции и поведении не выдало ни замешательства, ни удивления. По всей вероятности, он просто-напросто меня не узнал, что в глубине души немного ранило и расстраивало. У меня же сомнений не оставалось: из Женевы мы летели одним и тем же самолетом. Ладно мой шрам и перерезанный вдоль и поперек живот... Но как же ты заполучил свой от шеи до самой груди? Это явно не хирургических рук вмешательство.

- А что вы слетелись над ней, как коршуны? – спросил он у коренастого итальянца.
- Девушка хотела поплавать, но мы вынуждены были запретить. Слишком штормит.
- Так помогите ей выбраться из воды. Не похоже, что она сама справится.

Один из спасателей обратился ко мне по-английски и предложил отпустить канат, чтобы схватиться за его руку. Операция прошла вполне успешно, если бы не последняя фраза:

– Правильно сделали, что не пустили ее в воду. Не хватало только нанести урон репутации отеля из-за полиции и трупа девочки на пляже. На Мадейре и так негде хоронить людей. Отправьте ее загорать с молодежью. – Под молодежью он подразумевал двух ухоженных, укутанных в полотенца девчушек – современниц Черчилля, Рильке и Бернарда Шоу.

Итальянец громко захохотал, а мне стало откровенно не по себе. Мерзко и противно понимать смысл чужого неприятного разговора, когда ты являешься действующим лицом. Тебе так репутация отеля дорога? Да кто ты, мать твою, такой, чтобы так шутить над моей смертью или жизнью? Я уже собиралась открыть карты и выдать тираду на итальянском, как пронзительный женский крик, заглушивший даже океанический рев, свел к нулю все мои намерения.

– ДЖЕЕЕЕН-НАААААА-РООООО!

По направлению к нам неслась навороченная брюнетка лет тридцати пяти.

– Ну, куда же ты запропастился? Мы повсюду тебя искали. Все, как всегда – незаметно появляешься и незаметно исчезаешь, – щебетала по-английски роскошная барышня, приобретаемая ненавистного мне женеvского красавца. – Мы собираемся на пятничасовой чай в «Quinta da Casa Branca». Ты с нами? Моя подруга была бы очень счастлива.

– Дорогая Франгиция, ни в коей мере не хочу тебя обидеть, но твоя подруга делает меня несчастным. Почему вы не остаетесь на пятничасовой ланч в «Reid's»? Или они изменили традициям?

– Нет, что ты. Здесь ничего не меняется годами. Сегодня холодно и все постояльцы забились внутри отеля. Ты же знаешь, они не очень активны в передвижениях. Ланч забронирован и на 15.30, и на 16, и на 17.00. Fully booked¹⁰. Так ты с нами?

– Вынужден отказаться. Мне нужно съездить на «Chourana Hills»¹¹, но вечером мы, возможно, сможем поужинать.

¹⁰ Полностью забронирован (англ.).

¹¹ Холм Чупана (англ.).

– Никак не могу понять, зачем тебе апартаменты в двух отелях? Чем тебе плохо здесь? Нет, конечно, в «Choupana Hills» шикарный сервис, и они завоевали все португальские награды, но все же? Что ты вечно торчишь на этом холме?

– Ты права. У них отличный сервис. И тишина.

– Но там же нет океана! Отель без океана – bullshit¹²! Ладно... Дело твое. Составишь мне компанию по пути наверх? Я полдня тащила на этот пляж, чтобы тебя разыскать.

– С удовольствием, – сказал он. – Но повторяю: я вынужден буду вас покинуть. И заранее предупреждаю, что твои уговоры бесполезны.

– Знаю, знаю, – пролепетала она, взяв его под руку.

Они медленно зашагали в сторону отеля, обмениваясь короткими репликами. Я не могла объяснить для себя причину, но эта девушка чем-то меня зацепила. В лучшем смысле этого слова. Она была такой веселой, раскрепощенной и жизнерадостной, что просто не могла не понравиться. Франгиция – потрясающее имя. Впрочем, как и Дженнаро. Как там спасатели к нему обращались? Синьор Инганнаморте? Дважды два – Дженнаро Инганнаморте. По коже пробежала пара миллионов мурашек, и из глубин памяти непроизвольно всплыл женевский терминал с тихим ресторанчиком «La Terazza». Невысокий человек с крокодиловым портфелем. Он произносил какое-то другое имя. Даже не имя, а фамилию. Это было что-то короткое. Значит, на террасе сидел один мужчина, а в самолете – другой. Просто они были очень похожи. Логика логикой, а как быть со шрамом? Да и какая разница? Я не из олигархического мира «Reid's», не из мира Франгиции и традиционного аристократического чаепития в пять часов по местному времени. И вообще, пора отсюда отчаливать.

Я прошла мимо едва подающих признаки жизни бабушек, одарив их очаровательной улыбкой. «Отправьте ее загорать с молодежью», – вспомнилось мне, и я рассмеялась, несмотря на внушительную долю обиды внутри.

Столик в «Ciriani» был забронирован на 19.30, поэтому я располагала достаточным количеством времени для того, чтобы пешком прогуляться домой, не отказывая себе в удовольствии насладиться пропитанным цветочными ароматами воздухом и респектабельными фасадами «Савоев», «Карлтонов» и прочих пятизвездочных сооружений. Звонок Жоржа застал меня примерно на середине живописного пути.

– Джулия, дорогая, как ты? Как твой день? – интересовался заботливый владелец мадейрской недвижимости.

«Ох, Жорж, если бы ты сегодня утром увидел свой балкон, ты бы не спрашивал, как мой день. Ты бы вообще больше никогда со мной не разговаривал».

– Спасибо, Жорж. Все неплохо. Я уже успела влюбиться в остров. Сказочное место. Знаешь, во время пробежки все двадцать шесть мужчин-таксистов отвесили мне низкий поклон. Это было трогательно. А еще мне повезло с «Ciriani» в каком-то смысле. Удалось забронировать столик в «Reid's».

– Почему ты говоришь, что повезло в каком-то смысле? В каком тебе не повезло?

– Мне не разрешили искупаться в океане.

– Спасатели?

– Да, они самые. – «И не только они», – добавила я про себя.

– Понимаю, но сегодня погода не очень. Поверь мне, у тебя еще будет возможность поплавать. А где ты сейчас?

– Иду в сторону твоего дома, а что?

– Если тебе позволяет время, мы можем устроить небольшой ланч.

– Я с радостью! Это точно удобно?

– Конечно, удобно.

¹² Х...рня (англ.).

– Помнишь улицу, по которой ты спускаешься к океану от своего дома?

– Ты хотел сказать «от твоего дома», но мне очень приятно. Да, помню, конечно.

– Я сказал именно так, как хотел сказать, – в динамиках айфона прозвучал мелодичный смех Жоржа. – Эта улица выходит к ресторану на пирсе. Там готовят отличный «прего эспешизель».

– Черт, Жорж, я пока не сильна в португальских названиях, но ресторан знаю. Встречаемся там?

– Буду через десять минут.

Мы удобно расположились в плетеных креслах и без умолку болтали о жизни. Жорж с неподдельным интересом расспрашивал меня о моих книгах, а я задавала ему десятки вопросов, связанных с островом, Португалией и местными жителями. «Прего эспешизель» оказался двойным стейком, разрезанным пополам и утрамбованным по соседству с ветчиной, сыром и помидорами между обжаренными ломтиками мадейрских лепешек. Другими словами, до изнеможения аппетитная штука.

– Скажи мне, а что это за традиция пить чай в пять вечера? – В моей голове без конца крутились обрывки бомондного разговора на пляже.

– Ты имеешь в виду пятчасовой ланчинг? Эта наш старый обычай. Его придерживаются лишь немногие заведения и отели. Избранные. «Reid's», «Quinta da Casa Branca»...

– Я уже сегодня слышала это название. Это ресторан?

– Отель. Если ты захочешь, мы съездим туда на ланчинг. Владелец – мой хороший приятель. Он был первым человеком, открывшим официальное представительство «Mercedes» на Мадейре. Даже раньше, чем на континенте. А что касается «Quinta da Casa Branca» – прежде это был старинный английский особняк, принадлежащий очень состоятельным британцам. Со временем его переделали в пятизвездочную гостиницу с садами, парком и бассейном. Там уютно. Тебе понравится.

– Так а что с этим ланчем? Вы просто пьете чай в пять вечера?

– Нет. К чаю подают несколько видов сэндвичей и португальских десертов. Видов восемьдесят.

– Так это же английская традиция. Почему десерты португальские?

– Это португальская традиция, которую от нас переняли англичане, до исступления бьющие себя в грудь и кричащие «это все придумали мы!» Одна наша принцесса была настолько «в теле» и испытывала такое непреодолимое влечение к еде, что не могла пережить разрыв между обедом и ужином. Вот тебе и ланчинг...

– Да уж, ребята-англичане вечно кичатся первооткрывательством и своей изобретательностью.

– Кстати, слово «ТЕА» они тоже у нас украли.

– Ты шутишь? – Я чуть не подавилась остатками лепешки.

– Нет, – улыбнулся Жорж, – не подавись, пожалуйста. Я не хочу потерять такого милого гостя. Ты знаешь, что «tea» – это аббревиатура?

– Нет...

– Когда портовые работники загружали на корабли ящики с сухой травой с Азорских островов, они выкрикивали «ТЕА» в целях экономии времени. ТЕА – это аббревиатура от «транспортиш эрвиш ароматикош».

– Что такое «эрвиш»?

– «Эрвиш» – это трава на португальском. Тот самый чай, который мы пьем.

– Чертовы плагиаторы... эти англичане, – вырвалось у меня.

– Джулия, девочка, к сожалению, мне пора уезжать. – Жорж метнул взгляд на стрелки часов. – На меня очень много всего навалилось в последнее время. Я готов общаться с тобой

бесконечно и рад, что ты находишь для меня время. Кстати, тебе тоже пора поторопиться, если не хочешь пропустить закат солнца над обрывом в «Villa Cipriani».

– Я нахожу время??? Это тебе огромное спасибо, что уделяешь мне столько внимания.

– Я подвезу тебя домой.

Жорж – эрудит, интеллектуал и парень из очень уважаемой португальской семьи. В машине он рассказал мне, что его отец умер три месяца назад и все весомые проблемы семейного бизнеса обрушились на его плечи. Тем не менее этот человек беспокоился, не завяли ли стрелиции в моей вазе, разобралась ли я с плазмой и написала ли хоть одну страницу для новой книги. Оказалось, что папа Жоржа ушел в мир вечности в возрасте восьмидесяти четырех лет. Маме шел восемьдесят первый год, и она очень сильно переживала по поводу своей утраты. Жорж был поздним и единственным ребенком в семье. Его брату и сестре так и не посчастливилось увидеть волшебные краски острова, потому что их короткие детские жизни оборвались практически сразу после появления на свет. В чем-то мы с Жоржем были похожи.

Меня настолько тронуло то, с какой нежностью и уважением Жорж говорил о своем отце, что, оказавшись на пороге квартиры и смахнув с ресниц пару повисших на щеках слезинок, я первым делом по очереди обзвонила родителей, чтобы сказать, как сильно я их люблю.

Часы оповестили меня о том, что через тридцать минут было бы неплохо отправиться в «Cipriani», если во мне все еще живет желание пройтись пешком. Я рассматривала развешенные в шкафу наряды, которые совсем не радовали меня своим разнообразием. Вещей-то я прихватила достаточно, но большая их часть представляла собой гардероб в стиле casual. На остров все-таки летела... Конечно, парочку достойных платьев я захватила. И небезызвестные туфли из нашумевшего клипа «Ленинград». Ладно, красное, чуть выше колена платье, лабутены, приобретенный в правильном уголке Парижа клатчик, распущенные волнистые волосы и... из зеркала на меня смотрела вполне мишленовская девушка. Губы красить лень, а вот ресницы – можно. Готово. Только вот один вопрос: как я дойду на таких каблуках до пункта назначения, если по пути встречаются участки, где даже в удобных кроссовках можно рухнуть без оглядки и сломать пару длинных ног? На сколько я там страховку покупала в визовом центре? Неделя – не густо. Если что, ноги придется чинить за деньги сочувствующих граждан.

Отхватив небольшую порцию страданий и неудобств, я оказалась на фуншалской набережной. Через три шага во мне чуть было не проснулась звездная болезнь, потому что обычно сдержанные в проявлении своей страсти португальские мужчины откровенно не выдержали испытания. Они слегка приопускали очки-авиаторы, периодически отвешивали поклоны и задаривали меня миллиардом сияющих улыбок. Должна признать, что красный цвет таки восхитительно смотрится на фоне океанического прибоя. Водитель открытой машинки, которая развозила вдоволь нагулявшихся туристов, окликнул меня с просьбой подвести в отель. Его слова прозвучали почти как мольба, но я отказалась:

– Нет, спасибо большое. Я с удовольствием прогуляюсь.

– Мисс, тогда подойдите на секунду. У меня кое-что есть для вас. – При этом он нырнул в глубь автомобильчика и достал потрясающей красоты алый цветок с желтой серединкой.

– Господи, как же красиво! Спасибо! Неужели он настоящий?

– Конечно, настоящий, – заверил меня смуглый парнишка. – Настоящий, как и все на Мадейре. Возьмите! Для самой красивой девушки Фуншала! Он ждал вас целый день.

Я аккуратно обхватила пальцами зеленый стебель и традиционно чмокнула парня в обе щеки. Как же все-таки мило, приятно и душещипательно... Последние семьсот метров по дороге в «Reid's» дались с особым трудом: на меня оборачивались не только свободные португалы, но и временно или навсегда «забронированные».

С цветком в руках я и перешагнула порог «Cipriani». Меня встретил вышколенный официант лет шестидесяти пяти и сопроводил к столику на террасе. От открывшейся перспективы я на пару секунд перестала дышать, восхищаясь обрывом и величаво возвышающимся

над ним розовым зданием «Reid's». Солнце как раз спланировало траекторию посадки на грозные волны, поэтому оттенок неба напоминал осветленную карамель, разбавленную нежными лепестками пурпурных бутонов. Официант по имени Паоло помог мне присесть за столик, учтиво отодвинув стул, и вложил в мои руки меню:

– Прошу прощения, синьорина. У вас очень красивый цветок. Вы хотите, чтобы я поставил его в вазу? – Паоло словно читал мои мысли, так как я не понимала, куда можно приспособить подарок парнишки.

– Я была бы вам очень признательна. Мне подарили его по дороге в «Reid's». Я даже не знаю, как он называется. – Я доверила цветок надежным морщинистым рукам.

– Это антуриум. – Паоло слегка поклонился. – Цветок символизирует мужское начало.

– Надо же, – рассмеялась я. – Очень неожиданно...

– Я вернусь через минуту с вашим прелестным цветком и помогу определиться с выбором.

– Спасибо вам, Паоло.

Паоло порекомендовал мне отведать *parmigiana di melanzane*, какого-то крабика в венецианском стиле в качестве стартерсов и ризотто с морепродуктами как основное блюдо. Оставалось лишь определиться с вином. Пока опытный профессионал своего дела рассказывал мне о *rose* из *Herdade de Malhadinha Nova*, на террасу «Cipriani» заходили очередные гости.

– Это вино из очень интересного региона. Люди, которые его производят, поступили гениально: они разрешили маленьким детям разрабатывать дизайн этикеток.

– Синьор Инганнаморте! – приветствовали в это время официанты одного из гостей. – Мы очень рады вас видеть!

– Простите, Паоло, – я отвлеклась. – Вы говорите, что это хорошее вино?

– Очень. Не считайте за дерзость, но оно ассоциируется у меня с вами. У вас немножко детское лицо.

– Спасибо, – улыбнулась я. – Отлично, я доверяю вашему вкусу.

Вино «Розе» с детской этикеткой, изображающей смешного динозаврика, не смогло отвлечь меня от присутствия синьора Инганнаморте и его компании: уже знакомой мне по пляжу жизнерадостной Франгиции, ее статного красавчика-кавалера и еще одной барышни с черными как смоль волосами. Когда Паоло возвращался во внутреннее помещение ресторана, мой женеvский друг привстал и поздоровался с ним за руку. То, что он был всеобщим любимцем и завсегдатаем этого заведения, сомнений не оставляло. Впрочем, как и то, что он сразу меня заметил и этого не скрывал. Несмотря на мое умение владеть собой и довольно богатый опыт общения с мужчинами, обладающими высоким статусом и положением в обществе, его взгляд я выдержать не смогла. Сердцеeдка с черными волосами забрасывала моего знакомого какими-то историями, а он отвечал ей имитацией бесконечной заинтересованности: обычно так смотрят на форель в специально отведенных местах. Красиво плаваешь, а убивать не хочется, да и готовить лень. Когда я заканчивала разделяваться с умопомрачительным ризотто, он заскучал настолько, что перестал обращать на свою собеседницу даже мизерное внимание.

«Это тебе за шутки о моем захоронении на Мадейре, – подумала я. – Наслаждайся обществом интеллектуалки».

То ли он прочел мои мысли, то ли готов был сигануть с обрыва, лишь бы оказаться на моем месте в обществе цветка на клетчатой скатерти, но последующий его жест привел меня в замешательство: он приподнял красиво играющий в огоньках бокал с красным вином и едва заметно мне отсалютовал.

«И тебе салют моим детским «Розе», друг мой», – я тоже слегка приподняла бокал.

Поблагодарив Паоло за прекрасный ужин, я попросила счет, который оказался вполне приемлемым для ресторана с мишленовскими звездами и первоклассным обслуживанием.

Неувязка возникла тогда, когда, рассчитываясь кредитной карточкой, портативный терминал не позволил добавить мне функцию ввода дополнительной суммы. Другими словами, я не смогла «электронно» оставить десять евро на чай, а количество наличных денег в моем распоряжении славно приравнялось к опустошенному нулю. Ну, что ж за день такой? Утром ты сдираешь кожу и отдраиваешь стены, а вечером не можешь оставить tips¹³ галантному официанту. Вся надежда на содержимое моего клатча. Я максимально незаметно запустила руку во внутренности крохотной сумочки и наткнулась на горсть металлических монет. Спасибо Парижу и Стамбулу. Спасибо, что во всех моих сумках и кошельках всегда остается приличная горсть мелочи из поездок. Оставить металл на чай в мишленовском ресторане – моветон или не очень? Однозначно – лучше, чем не оставить вообще ничего. Я нащупала девять-десять весомых монеток эквивалентом в один евро и аккуратно вложила в счет. К моему огромному удивлению, Паоло вернулся через считанные минуты.

– Синьорита, не сочтите меня бестактным, но я подумал, что вам могут пригодиться деньги из другой страны, – он говорил очень-очень тихо.

– Я не совсем понимаю вас, Паоло. Из какой другой страны?

– Вероятно, вы по ошибке разбавили евро турецкими монетами. Они практически идентичны, но мой коллега заметил разницу.

– Господи, Паоло, как же мне стыдно... – Я закрыла лицо руками. – Я исправлю ошибку. Не рассмотрела при свете свечей. Они действительно очень похожи.

– Ну что вы! – Паоло разразился неподдельным смехом, что было присуще далеко не всем мишленовским официантам с проседью в волосах. – Вы очаровательны! Вы так красиво смотрелись на фоне заходящего солнца. Просто я подумал, что вам могут пригодиться иностранные деньги. Знаете, люди в моем возрасте редко выезжают за пределы Мадейры.

Клянусь, я была готова разрыдаться. Слезы собрались в моих глазах дружной компанией, и я понимала, что их уже ничто не остановит. Мой женеvский знакомец тактичным жестом остановил Паоло и что-то нашептывал ему на ухо. По всей вероятности, хотел рассчитаться за своих богемных друзей. Они переговаривались несколько секунд, и тогда... в тот самый момент, я впервые увидела, как улыбается человек по имени Дженнаро Инганнаморте. Его улыбка могла затопить Мадейру и все экзотические острова мира. Его улыбка завораживала, притягивала и не оставляла шансов. Только вот мне было не до смеха. Он испепелял меня взглядом, а я изо всех сил пыталась не моргнуть, чтобы проклятые слезы не испортили скатерть в ресторане над высоким обрывом. Как так можно? Ты привыкаешь к тому, что за тебя вечно платят. Привыкаешь, что за тебя оставляют чаевые в мишленах и дорогих заведениях. Привыкаешь к беззаботной жизни и определенному человеку, а затем все это летит в тартарары в долю секунды – точно так же, как твоя юная отказавшая печень. Как можно было не подумать своей рыжей головой и не снять хоть какую-то наличку в банкомате? Как можно быть такой приспособленной к свободе и не приспособленной к спонтанному одиночеству? Ну, вот. Первая покатилась. Сейчас размажет тушь по щекам. Давай, анализируй, разреvisь в «Cipriani». Исправишь ошибку? Да как же ты ее исправишь, интересно?

– Мадемуазель...

«Давайте, слезы, ненавижу».

– Мадемуазель... – повторил едва знакомый бархатистый голос.

Оторвавшись от созерцания океанической пены, я повернула голову в сторону террасы. Он стоял с винным бокалом в руке в шаге от моего стола и обращался ко мне по-французски, призывая к ответной реакции.

– Да...

¹³ Чаевые (англ.).

– Простите, я вынужден по-португальски расцеловать вас в обе щеки в качестве приветствия. – При этом он медленно наклонился и, выдержав паузу между прикосновениями к правой и левой, поцеловал меня в следы от уже успевших скатиться слез. – Почему вы так расстроились? Подумаешь, не удалось обмануть официанта в «Ciriani».

– Вы издеваетесь? И почему вы упорно продолжаете обращаться ко мне по-французски? До меня дошел смысл каждого сказанного вами слова на пляже.

– Так вы говорите по-итальянски? – спросил он уже на соответствующем языке.

– Я не могу похвастаться ни своим настроением, ни своим итальянским. – Да уж. Мой итальянский оставлял желать лучшего.

– Так на каком языке вы предпочитаете со мной общаться? – Его губы застыли в едва заметной улыбке.

– На языке «silenzio»¹⁴. Вы обидели меня на пляже. – Я перешла на английский.

– Обидел, чем? Тем, что не захотел, чтобы ваш труп вылавливали из океана?

– Я бы смогла...

– Нет. Не смогли бы. И никто из спасателей «Reid's» не смог бы вам помочь. Океан – это стихия. Его невозможно ни очаровать, ни соблазнить. Он бы просто оставил вас себе в качестве сувенира.

– Но я же видела, что у вас получилось.

– Но вы – не я.

– Вот именно. Я – не вы. Возвращайтесь к своим друзьям. На меня и так смотрит весь ресторан после этих дурацких монет. А вы загораживаете им вид на ночные огни.

– Мадемуазель, весь ресторан смотрел и смотрит на вас не из-за дурацких монет. Вы обратили внимание, что средний возраст посетителей составляет примерно восемьдесят девять лет? Они смотрели на красивую одинокую девочку, сидящую за лучшим столиком на фоне заката, и где-то в глубине души сильно вам завидовали.

– Завидовали чему? Они живут в «Reid's» и лениво пожевывают лобстеров по вечерам.

– Вы совершенно правы. Они живут в «Reid's», разделяют лобстеров во время ужина, но все их деньги, – он обвел глазами террасу, – каждого из них и всех вместе взятых, не могут купить то, что есть у вас. Молодость, мадемуазель. Именно поэтому они на вас смотрят. Забудьте о металлических монетах.

– Спасибо, что подбодрили. Но мне, правда, очень стыдно. У меня не осталось денег на тигр.

Он неожиданно рассмеялся, обнажив идеальный ряд белоснежных зубов:

– Вашего официанта зовут Паоло. Мы знакомы шесть лет, и он никогда не был обижен. Поверьте, более щедрых турецких чаевых он еще не получал. На Мадейре, в принципе, мало турков.

На этот раз сдалась и расхохоталась я.

– Я все прекрасно видела. И как Паоло вас встречал, и как без колебания сдал меня, когда вы ему что-то нашептывали на ухо.

– Я же вам честно признался: Паоло никогда не был обижен. Он выдает мне все секреты. Но в случае с вами он оказывал сопротивление. Вы очень ему понравились. Я считаю, что у нас есть повод его отблагодарить.

При этом он едва заметно вложил в мой счет бумажную купюру.

– Вы уже второй раз меня выручаете. Или третий. Я верну вам деньги для Паоло.

– Почему третий? – Он проигнорировал последнюю фразу.

– Моя книга. Это вы вернули ее в Женеве?

– Это сложно объяснить, да и не к чему. Сколько вы планируете пробыть на Мадейре?

¹⁴ Молчание (*um.*).

- Пока не знаю. Месяц так точно.
 - И когда вы планируете вернуть мне деньги? – Он-таки обратил внимание на мою реплику во поводу возврата евро.
 - Тогда, когда у вас возникнет в них острая необходимость.
 - То есть вы никогда не вернете мне десять евро?
 - Верну, – я забыла о предшествующих слезах и засмеялась. – Не люблю долги.
 - А я не люблю дарить деньги. Поэтому условия следующие: я открываю кредитную линию. Будете отдавать мне пятьдесят центов в день.
 - Так дайте номер карты, – я заливалась от смеха. – Переведу всю сумму сразу.
 - Вы сами сказали, что вернете деньги, когда у меня возникнет в них острая необходимость. Пятьдесят центов в день. И я выбираю, где вы передаете мне долг.
 - Вы сумасшедший? Давайте номер карты.
 - Если вы не согласны, то, – он поочередно загибал пальцы, – а) старый добрый Паоло остается без чаевых; б) вы никогда не поймете суть фразы на пляже, которой я вас якобы обидел. Судя по всему, вам просто мало знакома история острова; в) вы что-то говорили о книге? d) Выбор за вами. Мне действительно пора присоединиться к людям, которых вы так смело называли моими «друзьями».
 - Где мне передать вам первые пятьдесят центов?
 - Где вы остановились? В «Reid's»?
 - Нет. Я снимаю квартиру.
 - Адрес?
 - Castada de Santa Clara, 16. Это напротив...
 - ...музея «Frederico de Freitas», – закончил за меня он. – У вас хороший вкус. Выходите из дома ровно в 13.00. Не будем создавать пробок. Улица односторонняя.
- На прощание он произнес фразу, которая навсегда останется в моей памяти: «Мадемуазель, я так и не понял, что вкуснее: ваши слезы или детское вино, которое вам предложил мой старый добрый друг Паоло».
- Улица действительно была односторонней. А он так и не спросил мое имя.

Круг, так круг

Пьер Огюст Ренуар
«Пейзаж на берегу Сены»
Дата создания: 1879 г.

Украдена из Балтиморского музея искусства в 1951 году.

Текущий статус: в 2012 году картина была выставлена на аукционе в Виргинии. Владелец утверждал, что приобрел ее за \$ 7 на одном из фломарктов. После расследования возвращена Балтиморскому музею.

Утро началось с того, что проживающий в Уэльсе курьер Энди сообщил о наличии камней в желчном пузыре, а немец Себ завалил мой мессенджер очередной порцией «Hallo», «Wie geht's es dir?»¹⁵, «Redest du noch mit mir?»¹⁶ Так не может больше продолжаться... Это неизлечимо. Тебе что, девятьсот восемьдесят пять оставленных без ответа сообщений не подсказывают, что я с тобой не общаюсь? Кому ты отправляешь эти дурацкие зарумяненные смайлы? Тебе ведь сороковник скоро. Конец, точка и баста. Моя толерантность и уважение к его пересаженной почке взялись за руки и дружно сиганули с высоченного обрыва во вчерашнем «Cirigliani». Искренне пожелав Энди скорейшего выздоровления, я принялась за Себа. Настроение было такое шальное, что в очередной раз послать его куда подальше показалось мне слишком скучным. Тем более что мои резкие послы зачастую притягивали его с удвоенной силой. Ладно, вспомним-ка немецкий:

«Здравствуй, Себастьян. Благодарю за шестьсот двадцать три «Hallo», триста двадцать один «Wie geht's?» и несколько тысяч опечаленных смайликов. Пишу тебе, чтобы сообщить следующее: я начала серьезно работать над книгой о первобытных людях. Для того чтобы глу-

¹⁵ Как твои дела? (Нем.)

¹⁶ Ты со мной не общаешься? (Нем.)

боко проникнуться темой, мой издатель сказал, что я должна четыре месяца пожить в пещере без фейсбука и интернета. Конечно, мне будут приносить воду и картофельные чипсы. Пожалуйста, не пиши мне ближайшие несколько тысяч дней. Если ты увидишь меня онлайн – это не я, а человек, которому поручено вести мою страницу. Береги почку. Чусс».

Это же каким тупым животным нужно быть, чтобы прислать в ответ «??????? 4 Monate ohne dich?»¹⁷ Да, четыре месяца без меня. Ведь мы с тобой так тесно коммуницировали все это время. Да что там говорить... и белье мне выбирали, и семью планировали, и тайными желаниями обменивались. Правда, в одностороннем порядке. Но разве это важно? Да я, с... а, поселилась бы в пещере навечно, если бы мне пришлось выбирать между жизнью с тобой и жизнью без тебя.

Глядя правде в глаза, я бы не стала тратить мадейское время на текстовые сообщения недалеким женихам, если бы не одно «но». Я честно призналась себе в том, что очень сильно нервничаю. Это было связано со вчерашним вечером и шуточной договоренностью «выходите из дома ровно в 13.00, не будем создавать пробок». С одной стороны, интуиция подсказывала мне, что мой неординарный знакомый решил слегка развеяться за моим столиком. С другой – а что, если он не шутил? Нарушить договоренность и не появиться на узенькой улице в 13.00 было бы проще всего. Выйти из дома и понять, что ты слишком серьезно восприняла игривое настроение избалованного деньгами аристократа – ну, что же, не беда. Постою десять минут на тротуаре и отправлюсь на прогулку по божественному Фуншалу. Выбор сделан, но очень хотелось курить. Опять-таки, нервы были не настроены притворяться и умиротворенно дремать.

Несмотря на очень короткий период пребывания на Мадейре, я успела стать всеобщей любимицей. Если моя первая пробежка в день приезда заняла сорок минут, то сегодняшняя затянулась еще на столько же. Работники ближайших магазинчиков, таксисты и добродушные официанты хором интересовались, как мои дела, все ли мне нравится и где я уже успела побывать. Без лишнего хвастовства могу сказать, что меня любили даже такие своеобразные ребята, как немцы и французы, которые обычно держатся довольно сдержанно, хотя и приветливо, но всем своим видом дают понять, что в тебе течет другая, иностранная кровь. Я разрушала эти барьеры быстро и незаметно, влюбляясь в культуру их стран и стараясь общаться на их родном языке. Португальцы же были совершенно особенными. Они словно хотели тебя обнять, приютить, сделать все, чтобы ты осталась с ними. Они открывали сердца нараспашку, как обыкновенную форточку, не требуя ничего взамен. Хотя это не совсем так. Они обожали настоящие улыбки, честность и открытость – все те вещи, которых катастрофически сильно не хватает некоторым странам из бывшего СССР. Как по мне, то единственным недостатком Португалии были лишь сигаретные пачки с чудовищными картинками. Таким неприкрытым извращением позавидовали бы Ганнибал Лектор и Джек Потрошитель, а Стивен Кинг вместе с Линчем навсегда впал бы в творческий ступор. Не знаю, кто разрабатывал дизайн набитых табаком и смолой картонных коробок, но это однозначно был озлобленный, неуравновешенный псих. Все наши пугающие украинские надписи на пачках «Мальборо» и «Парламента» казались шутками гениального Жванецкого и Джорджа Карлина. Псих определенно постарался на славу, но своего не добился: вместо того чтобы бросить курить, португальцы выбирали фото «посимпатичнее», жонглируя сигаретами, как бутылками кока-колы с именами на красных этикетках:

– Дорогая, дай мне, пожалуйста, пачку с тем синеватым мужчиной, – обращался восьмидесятилетний житель Фуншала к молоденькой продавщице по имени Дженни. – Нет-нет, не с тем, который с трубками в носу, а с другим – без капельниц.

– Синьор, вы, возможно, не рассмотрели, но этот синий мужчина на фото уже, как бы так выразиться, не совсем живой.

– Ничего-ничего. Давай такого. Он неплохо держится.

¹⁷ Четыре месяца без тебя??? (Нем.)

– Эээээ, Дженни, а мне, пожалуйста, «Мальборо Голд», но, если можно, с трубками и капельницами.

Ужасно, конечно, но я едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

Ну, что поделаешь, если эти люди так воспитаны? Они обладали первоклассным чувством черного юмора, легко относились к жизни, но с детства были приучены к тому, что смерть неизбежна и нечего на ней заикливаться.

Выкурив сигаретку под двойной эспрессо, я согласилась с очередным официантом: «Больше никакого американо на Мадейре – привыкайте к нам». Да я с радостью, с радостью, с радостью. Рассиживать в кафе время не позволяло, потому что колокола церкви St. Peter напомнили о скором приближении полуденного часа. До 13.00 оставалось совсем немного, и я в полной мере ощутила неприятный мандраж. Прямо, как в детстве на теннисных турнирах. У меня всегда пропадал аппетит перед выходом на корт в матче с более сильными противниками. Это захватывало и нервировало одновременно. Так и сейчас: зачем ты вообще вчера согласилась поддержать его странную игру? Детское «Розе» со смешным динозавриком на этикетке затуманило мозги и притупило ощущение реальности? Ты вообще его видела? Слышала, как он разговаривает? Пресыщенный жизнью игрок и самоуверенный победитель – он сейчас спит на одной из огромных кроватей «Reid's» и помнить не помнит о твоём существовании, глупое ты существо.

Проиграв мысленно все самые нелепые сценарии развития событий, я решила пойти на компромисс: архитектурные особенности улицы не позволяли стоять на выходе из подъезда, так как он был частью дороги. Напротив – музей Фрейтаса. Так вот, было бы вполне разумно узнать, кем был синьор Фредерико, выйти из кованых ворот ровно в 13.00 и в случае полного провала и разочарования гордо зашагать по мозаичной дорожке. Решено. Иду в «Casa de Museu Frederico de Freitas», который получил высшую награду от португальского правительства.

* * *

Музей меня не поразил – он в буквальном смысле слова обескуражил. Во внутреннем дворике проводились какие-то реконструкторские работы, но красоту маленького сада и встроенного в темно-розовую стену фонтана не могло испортить ничто. Очутившись внутри помещения, я ощутила резкую слабость в ногах. Фредерико де Фрейтас был очень известным нотариусом, что никак не помешало ему стать знаменитым коллекционером произведений искусства XVII–XIX веков. Господина Фрейтаса можно назвать даже гениальным хотя бы потому, что каждая деталь его дома соответствовала утонченному вкусу и изобретательности хозяина. Любая статуэтка, картина, ваза, предмет мебели и интерьера – все создавало эффект присутствия, словно в этом уютном особняке лишь час назад застелили постель, но, к сожалению, хозяин сейчас завтракает в столовой со своей семьей, и вам придется подождать. Какое же все живое, какое же настоящее... Фотографии в рамках на изумительном английском столике у кровати... Кого вы здесь обнимаете? Жену? Любимую женщину? Близкую подругу? Казалось, что в чайный зал сейчас войдет дворецкий с серебряным подносом и предложит присоединиться к более не существующим гостям. Совершенно фантастическая кухня с мраморными умывальниками и огромными чугунными котелками... Здесь для вас готовили еду, господа аристократы? Я переходила из комнаты в комнату, поражаясь размерам дома. Из окна моей квартиры он казался не очень масштабным, а разделяющая нас односторонняя улочка была такой узкой, что я запросто могла перешагнуть на один из балконов. Удивляло и то, что охрана «заведения» состояла из пятидесятилетних женщин в черных брюках и накрахмаленных белых блузах. Они незаметно подстерегали каждое твое передвижение и не разрешали фотографировать. Музей гордился отсутствием фото на просторах интернета, и это было пра-

вильно. Я, конечно, не отношусь к клептоманам, но мне хотелось украсть все. Даже не все, а все что угодно.

Немного потерявшись в разнообразных залах, я продвигалась к выходу, осыпая португальскими словами благодарности каждую без исключения сотрудницу музея. Они отвечали взаимностью, но сохраняли официальное выражение лица, как стоящие на вахте гвардейцы у «Buckingham Palace». Самая строгая на вид женщина окликнула меня и спросила, попала ли я в библиотеку.

– Нет! Конечно, нет! Меня очень удивило, что в таком доме отсутствует библиотека. Для меня это самая интересная часть!

Я поймала себя на мысли, что слишком нарушаю тишину, но ничего не могла поделать из-за повышенной эмоциональности.

– Следуйте за мной. Я вас проведу.

– Obrigada, muito obrigada!¹⁸ – тараторила я по-португальски, задыхаясь от восторга.

Что может испытать обожающий литературу человек, неожиданно оказавшийся в мире книг XVII–XIX веков? Собрание работ Черчилля, старинные фолианты, раритетные издания, посвященные творениям Микеланджело и Родена. Обложки книг целовали друг друга на нескончаемых деревянных полках, а невероятной красоты камин подыгрывал им, создавая незабываемую романтическую атмосферу, включающую в себя ощущения тайны, шелест страниц и приглушенный мягкий свет.

– И все эти книги настоящие?

– Конечно, – кивнула женщина, доставая с полки тоненькую книжечку. – Каждая из них.

– Вы не представляете, как много это для меня значит... Даже руки начали дрожать. Да я бы себя возненавидела, если бы так и не узнала о существовании библиотеки в доме синьора Фрейтаса. Господи, как же жаль, что нельзя фотографировать... Я ведь тоже пишу!

– Вы действительно пишете? – переспросила сотрудница музея.

– Да...

– Знаете, что... – Она вплотную подошла ко мне. – Если вы дадите мне слово, что фото не попадет в интернет, я разрешу вам сделать один кадр. Я постою на выходе из библиотеки на случай, если мои коллеги или посетители направятся в нашу сторону. Только не подведите меня.

– Ну что вы??? Я даю вам слово на языке души. А камеры? У вас точно не будет проблем из-за меня?

– Здесь нет камер. Именно здесь. Одно фото.

Айфон в руках ходил ходуном, пока я пыталась выбрать наиболее удачный ракурс. Как же дрожали руки... Одно фото. Есть. Я бросила умоляющий взгляд на женщину:

– Да фотографируйте уже, – она тихонько рассмеялась.

Я улыбалась и щелкала все подряд до тех пор, пока добрая хранительница правопорядка не подала мне знак рукой. Спрятав телефон в сумку, я подбежала к ней и, чмокнув в обе щеки, беззвучно обняла. В этот момент порог библиотеки переступил очередной немец в сопровождении чопорной охранницы. Их явно смутило мое зарумянившееся, сияющее от счастья лицо, но что поделаешь... Боже мой, как же прекрасен португальский народ!

* * *

На выходе из музея меня застало великолепное зрелище. Castada de Santa Clara обрывалась на перекрестке с Rua du Surdo. У португальских ребят так отлично обстояли дела с юмором. «Улица глухих», «Улица черных девочек» – кто-то же это все когда-то называл,

¹⁸ Спасибо, огромное спасибо! (Порт.)

переименовывал. Не знаю, повезло или не повезло тем самым «глухим», но улицу тщательно ремонтировали, что доставляло мне определенные неудобства во время сна из-за шума рабочих грузовиков по утрам. Если одна такая «малютка» пыталась развернуться на миниатюрном перекрестке, от катастрофического грохота не могла спасти даже самая современная шумоизоляция.

Castada de Santa Clara, имеющая угол наклона в лучших традициях холмистого Сан-Франциско, застыла в автомобильной пробке на фоне растерянных пешеходов. Именно такая картинка открылась моему взору: улочка была как на ладони. Казалось, что кто-то подвесил скопившиеся машины на горном склоне и на секунду приостановил забавное кино. 12:59:34. К моему тщательно замаскированному ужасу, внимание туристов привлекала не пробка и не лимитированное пространство на ступенчатом тротуаре. Все они смотрели туда же, куда и я. Разница заключалась лишь в том, что люди крутили головами, пребывая в восхищении от увиденного, в то время как я мысленно повторяла про себя: «Только не это. Где же ты успела так нагрешить?» По проложенной брусчаткой дороге плавно катился «Rolls Royce Dawn» – тот самый четырехместный кабриолет с мандариновым салоном, возле которого все так отчаянно хотели сфотографироваться на парковке отеля «Reid's». Экстерьер цвета океанической злости и ярости, кто же тебя создавал, что, глядя на тебя, колени мои подгибаются так безнадежно? О водителе я молчу – его стиль уже мне знаком. Расслабленная правая рука на руле, неприлично белая рубашка с рукавами до запястья, бронзовая кожа, мужественные загоревшие скулы, скрывающие лед в глазах стекла элегантных очков – приехали... Ни бурное парижское прошлое, ни привычное чувство уверенности в себе не смогли спасти меня от парализующего смущения, когда «Dawn» поравнялся с моей примершей к мозаичной плитке фигурке и окутанный бархатом голос произнес:

– Мадемуазель...

Было ровно 13.00. Ни секундой раньше, ни секундой позже. Айфон констатировал факт, вибрируя напоминанием о жизненно важных таблетках, которые я принимаю каждые двенадцать часов:

– Синьор Инганнаморте...

Он тактичным жестом указал на пассажирское сиденье, и я потянула за приятную на ощупь дверную ручку. Низко посаженные двери точно были продуманы для эффектных посадок и выходов в свет. Пока я поражалась тому, как создатели последней модели «Роусе» угадали с пространством для длинных ног, мой знакомый тронулся с места, присоединившись к всеобщему движению трафика:

– Вы собираетесь возвращать мне долг? – спросил он на полном серьезе.

– Да, конечно. – Я смутилась еще больше и потянула за замочек на крохотной сумке. – Возьмите, пожалуйста.

– Зачем вы даете мне десять евро? Мы договаривались, что вы будете отдавать мне по пятьдесят центов.

«Вы надо мной издеваетесь?» – хотелось прокричать мне на весь Фуншал.

– Ладно, – холодно произнесла я и снова запустила руку в сумку. – Так лучше?

– Отлично. – Он аккуратно положил монетку в оранжевую нишу со стороны водительской двери. – Вы не возражаете, если я сделаю небольшой круг, чтобы вернуть вас домой?

– Можете высадить меня возле церкви. Я пройду пешком.

Внутри меня наслаивалось такое негодование, что угнетавшее меня смущение рассеялось как дым.

– Почему вы отвернулись? Вы пытаетесь сделать вид, что я вас снова чем-то оскорбил? В самолете вы смотрели на меня более пристально.

– Нет. Я пыталась понять, кто из пассажиров рейса вернул мою книжку.

– Какую книжку?

– Но это же были вы...

– Возможно, мне бы хотелось быть таким человеком. К сожалению, я другой. Я никогда никому ничего не возвращаю. Какую книгу вам вернули?

– «The History of Modern Art».

– Так вы увлечены искусством?

Глубоко-глубоко внутри меня формировалось ощущение, что мне делают ультразвук в клинике «Charite».

– Так вы вернули мою книгу? – ответила я в еврейском стиле.

– Да что вы пристали ко мне с какой-то книгой и романтическими фантазиями? Вы что, подающий надежды юный режиссер?

– Нет, я – умертвивший все надежды молодой писатель.

– Замечательно звучит! Вы правда что-то пишете?

На его лице появилась легкая, но очень жесткая улыбка.

– Я правда что-то не пишу.

– Признавайтесь. Откройте карты.

– Я вам не Паоло из «Cirigliani», который выдает все секреты.

– Мадемуазель, бросьте это глупое кокетство. Вы действительно пишете?

– Ладно. – Я сдалась, потому что все мои привычные манипуляции на него не действовали. – Я написала две книги, но с третьей все очень печально.

– И вас издавали?

– Да. Лучшее украинское издательство.

– Так вы из Украины?

Его мимика немножечко поддалась, и широкие брови вынырнули из-под черных стекол.

– Да. Из Украины. А я могу узнать, куда мы едем?

– Конечно. Но сначала вы назовете свое имя. Я считаю, что мы уже достаточно для этого знакомы.

Не знаю почему, но я от души рассмеялась. Да, мы были достаточно для этого знакомы:

– Юлия. Иностранцы называют меня Джулия. Легче произносится.

– Значит, Джулиния, – холодно улыбнулся он.

– Почему «Джулиния»? И куда мы едем? Мы проехали тоннель, торговый центр «La Vie» и никуда не свернули.

– С вами всегда так скучно?

– А с вами всегда так интересно?

В этот раз обоюдная улыбка возникла на наших лицах одновременно.

– Мадемуазель, я же сказал, что мы сделаем круг перед тем, как вернуть вас домой, – он категорически отказывался обращаться ко мне по имени. – И вы согласились.

Я согласилась заранее, потому что понятия не имела, какой круг он имеет в виду. Я бы согласилась постфактум, потому что он пообещал раскрыть смысл «шутки» на пляже и рассказать историю о том, как хоронят людей на Мадейре. Я бы согласилась не из-за любопытства к «Rolls Royce Dawn», который впервые в истории презентовали онлайн для постоянных клиентов, игнорируя «Франкфуртские автомобильные выставки». Я бы согласилась не из-за крыши, которая опускается за двадцать две секунды даже при скорости тридцати двух миль в час. Я бы согласилась не из-за того, что машина пропахла ароматизированным деревом и на восемьдесят процентов отличалась от купе «Wraith». Не из-за того, что она была недоступна даже сильным мира сего и проделала огромный путь на Мадейру с континентальной земли. Не из-за сумасшедшего сочетания ярко-оранжевой кожи и благородного металла. И уж точно не из-за двигателя V-12 и мгновенного разгона до ста пятидесяти миль в час. Мне было плевать на крышу кабриолета, которая напоминала нос античных деревянных лодок. Впрочем, как и на то, что ночные датчики реагируют на тепло пробегающих мимо зверей и невидимых в тем-

ноте существ. Конечно, все это слегка будоражит. Но как говорил мой любимый персонаж из «Games of Thrones»¹⁹: «Меня давно научили не обращать внимание на то, что следует перед словом “но”». Так вот мое исключительное «но» заключалось в следующем: меня очень сильно интересовал водитель. Круг, так круг.

– Хорошо. Я согласна на любой круг, если вы мне расскажете, что там с захоронениями.

– Мадемуазель, прекратите ставить мне детские условия. Можно подумать, что если я вам не расскажу, вы на ходу откроете дверь и выпрыгнете из машины в одном из тоннелей. Условия буду ставить я, потому что вы все еще должны мне непомерную сумму денег. Почему у вас не складывается с третьей книгой?

– Просто мне тяжело ее писать. По личным причинам.

Спорить с ним было глупо и бессмысленно.

– Надеюсь, вы не собираетесь обрушить на меня печальную историю любви? – Он постоянно меня поддевал и переигрывал по всем фронтам.

– Я избавлю вас от такого удовольствия. Вас бы это все равно не тронуло.

– Откуда вы знаете? Вы же меня немного тронули.

– Чем это, интересно?

Я уже была в предвкушении очередной издевательской реплики.

– Вы показались мне очень солнечным и ранимым ребенком. Но в то же время в вас чувствуется какая-то демоническая неизбежность. Скажите, а что вас обычно вдохновляет, когда вы пишете?

Я на секунду задумалась и без доли притворства произнесла:

– Боль. И Париж.

– Вы любите Париж?

– До слез. Я его обожаю, боготворю... Моя первая книжка начиналась с письма к этому городу.

– Но вас не переводили на другие языки?

– Нет. Хотя у меня есть немецкий перевод. И даже французский.

– Немецкий мне не подходит. Слишком грубый язык. Сможете прочитать мне отрывок по-французски?

– Категорически нет! – Я на минуту представила себе этот кошмар. Мне было бы морально легче раздеться перед сотней изголодавшихся португальских мужчин, чем прочитать ему личный текст.

– Послушайте, мадемуазель, у вас есть два варианта: либо мы заедем в уютный ресторан и вы прочтете мне французский отрывок, либо я через километр сверну в ближайший тоннель и мы на секунду зайдем в местную мэрию. У них там сейчас как раз проходит заседание, – он посмотрел на часы. – Я принесу извинения, прервав речь своих знакомых, попрошу у них микрофон и скажу, что вы умоляли меня дать вам слово и презентовать свою книгу.

Хуже всего было то, что даже двадцать минут общения с этим человеком подсказывали мне, что он способен на все и предугадать исход практически невозможно.

– Почти договорились, – сдалась я. – Но я тоже имею право на условия и хватит дергать меня за нитки, как податливую марионетку. Я зачитаю вам отрывок в спокойном месте, если вы наконец объясните мне суть шутки на пляже.

– Здесь в самом деле своеобразная система захоронения. Не знаю, хватило ли вам нескольких дней, чтобы понять, как местные жители относятся к смерти, – начал он.

– Да, я видела, как португальцы выбирают сигареты с жуткими картинками. Они превращают это в фарс.

¹⁹ Игра престолов (англ.).

– Мадейра – очень специфический остров с высоким уровнем средней продолжительности жизни. Примерно 85–86 лет. Тем не менее жители и власти не желают превращать остров в кладбище. Вы улавливаете мысль?

– Улавливаю, но пока не понимаю... – призналась я.

– Когда человек умирает, родственники усопшего заключают контракт с агентством либо на пять, либо на десять лет. В большинстве случаев – на пять.

– Какой такой контракт? На обслуживание могил?

– Не совсем, – по его лицу скользнула тень улыбки. – На эксгумацию тела.

– По-моему, до меня неверно дошел смысл сказанного. Мы с вами одинаково понимаем на английском значение слова «эксгумация»?

– Более чем. Через пять лет тело эксгумируют, освободив место для следующего мертвого «клиента».

Я смотрела на него в полной растерянности, пытаюсь понять, шутит он либо рассказывает все это на полном серьезе.

– Так, а что они делают со «старым» клиентом?

– Кремируют. А дальше новый контракт. – Дженнаро рассмеялся.

– Вы разыгрываете меня, да?

– Ни капли. Теперь улавливаете смысл шутки? Мне не хотелось, чтобы над вашим телом так издевались после неудачной попытки поплавать во время шторма.

– Господи... А что за второй контракт?

– Опять-таки два варианта: можно на время арендовать помещение для хранения урны с пеплом либо развеять его над океаном. Мало у кого из мадейрцев есть деньги на покупку личного склепа.

– Лучше уж над океаном.

– На самом деле без разницы. Мертвым все равно, потому что над океаном нужно летать при жизни. Знаете, что самое интересное в этой истории? Они никогда не эксгумируют тела по отдельности, а превращают процедуру в конвейерный процесс. Выкопали десять-пятнадцать человек одновременно и потащили в печь, нарядившись в маски и перчатки.

– Сумасшедшая история! А почему вы свернули в тоннель?

– Потому что я вам сказал: я не люблю, когда мне ставят условия. «Если вы мне расскажете, я зачитаю...» Вам пора повзрослеть. Мы едем в мэрию.

Camara de lobos

Анри Матисс
«Читающая девушка в белом и
жёлтом»
Дата создания: 1919 г.

Украдена из музея «Кунстхал» в Роттердаме 16 октября 2012 году.
Текущий статус: картина уничтожена.

Пока мой женеvский друг со свойственной ему невозмутимостью искал свободное парковочное место у здания Сити-Холла, я подключила все свое английское красноречие, чтобы выразить активный словесный протест:

– Вы же понимаете, что я не пойду с вами в мэрию?

– Что значит «не пойду»? А кто вас будет спрашивать?

– Я серьезно. Прекратите, пожалуйста. Здесь нет парковочных мест. Вы же не будете силой вытаскивать меня из машины? Она и так привлекает всеобщее внимание без дополнительных зрелищ.

– Что вы из меня монстра делаете? Я вас пальцем не трону. Конечно, вы выйдете из автомобиля абсолютно добровольно.

«Лучше бы тронул», – неожиданно пришла в голову нескромная мысль.

– Пожалуйста, синьор Инганнаморте... Я сделаю все что угодно, только не заставляйте меня так нервничать.

– Все. Что. Угодно, – с расстановкой произнес он, выдержав две четкие паузы между словами. – Что, например?

– Не знаю. Хотите сыграю вам Бетховена на pianoforte?

– Вы играете на фортепиано?

– Нет, но я научусь! Хотите, свитер вам зимний свяжу?

– Вы умеете вязать? – Он больше был не в состоянии контролировать улыбку.

– Нет. Но научусь! Я свяжу вам очень теплый свитер. Возможно, он хоть как-то согреет и растопит вашу ледяную женеvскую кровь.

– Мадемуазель, это никуда не годится. Вы обрушили на меня массу бесперспективных предложений. И с кровью не угадали.

– С температурой?

– С происхождением. Кровь португальско-итальянская.

– Я так и думала. Женеvские мужчины не бывают такими красивыми.

Последняя фраза была вознаграждена его пробирающим до дрожи смехом:

– Вы действительно решили, что легкий флирт вас спасет? Но комплимент я оценил. Благодарю.

Пожалуй, меня могло спасти лишь отсутствие мест на паркинге. Сидевший за рулем мужчина был категоричен и совершенно непреклонен в своих решениях. Он напоминал мне шального мальчишку, который случайно обнаружил в лаборатории отца сложный химический набор препаратов и решил провести собственные опыты, жонглируя колбами, пробирками и всевозможными реактивами. Разница заключалась лишь в том, что он был далеко не мальчишка. И точно знал, что и как смешивать для получения желаемого результата.

– Мадемуазель, считайте, что сегодня вам повезло. Я устал наматывать круги в поисках парковки. Во время заседаний у них здесь всегда аншлаг, а оставлять машину в километре от мэрии и заставлять вас гулять в тридцатипятиградусную жару кажется мне не совсем справедливым. Перенесем презентацию книги в другое место.

– В какое другое?

Вздых облегчения так и не успел вырваться из моей груди, так как его быстро спугнул новый приступ нарастающей паники.

– У меня есть идея. Я воссоединю вас с одной исторической личностью. Осмелюсь предположить, что вам это понравится.

Он поднажал на педаль газа, и «Роусе» заметно припустил ход, не издав ни единого звука. Ох и машина...

– С кем вы собрались меня знакомить? – Я сгорала от любопытства.

– Вы не любите сюрпризы?

– Я не уверена, что люблю их в случае с вами. Может, я предпочту презентацию в мэрии, – вырвалось у меня.

– Мне развернуться?

– Господи, нет! Я молчу. Но все-таки, с кем мы будем знакомиться?

– С величайшим британцем в истории, – улыбнулся мой необычный спутник.

– Дайте-ка догадаюсь...

Набрав полные легкие воздуха, я выпалила на одном дыхании:

– «Even though large tracts of Europe and many old and famous States have fallen or may fall into the grip of the Gestapo and all the odious apparatus of Nazi rule, we shall not flag or fail. We shall go on to the end, we shall fight in France, we shall fight on the seas and oceans, we shall fight with growing confidence and growing strength in the air, we shall defend our Island, whatever the cost may be, we shall fight on the beaches, we shall fight on the landing grounds, we shall fight in the fields and in the streets, we shall fight in the hills; we shall never surrender, and even if, which I do not for a moment believe, this Island or a large part of it were subjugated and starving, then our Empire beyond the seas, armed and guarded by the British Fleet, would carry on the struggle, until, in God's good time, the New World, with all its power and might, steps forth to the rescue and the liberation of the old»²⁰. С ним?

– Мадемуазель, вы меня приятно удивили. С ним.

* * *

Примерно в 1418 году португальский инфант и сын короля Жуана I проснулся утром в своей постели приблизительно со следующей мыслью: «Надоело. Мне нужна новая карта». Так уж сложилось, что он был абсолютно неординарной личностью и испытывал страсть к мореплаванию, точности и топографии. Несмотря на то что он никогда не принимал личного участия в морских экспедициях, Энрике имел все финансовые возможности для того, чтобы познавать просторы мира с помощью чужих глаз и расчетов. Впоследствии его прозовут Генрихом-мореплавателем, а пока он вальяжно расхаживает по спальне и подумывает о том, что было бы вполне разумно снарядить очередную экспедицию к берегам Западной Африки, чтобы заполучить обновленную географическую картинку мира. Так он и поступил.

Возглавлявший экспедицию Жуан Зарко и его отважные сотоварищи наверняка бы добились желаемого и преподнесли принцу вожденную карту, если бы океан не сказал свое веское «хватит» и не обрушил на корабли всепоглощающую силу шторма, благодаря которому и была открыта Мадейра. Остров был настолько непроходим из-за буйной растительности, что, по легенде, его выборочно выжигали на протяжении семи лет, дабы обеспечить путь к благоустройству и потенциальному процветанию. Первооткрыватели не смогли обойти вниманием и противостоящий волнам мыс, который быстро облюбовали морские львы. Путешественники истребили большую часть славных созданий, превратив их умерщвление в выгодный промысел. Кожу морских львят зачастую использовали для пошивки сапог и прочих вещей, необхо-

²⁰ Несмотря на то что значительные пространства Европы и многие старые и славные государства подпали или могут подпасть под власть гестапо и всего отвратительного аппарата нацистского господства, мы не сдадимся и не покоримся. Мы пойдем до конца, мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и на океанах, мы будем сражаться с возрастающей уверенностью и растущей силой в воздухе; мы будем оборонять наш Остров, чего бы это ни стоило, мы будем сражаться на побережье, мы будем сражаться в пунктах высадки, мы будем сражаться на полях и на улицах, мы будем сражаться на холмах, мы не сдадимся никогда, и даже, если случится так, во что я ни на мгновение не верю, что этот Остров или большая его часть будет поработана и будет умирать с голода, тогда наша Империя за морем, вооруженная и под охраной Британского флота, будет продолжать сражение до тех пор, пока в благословенное Богом время Новый Мир, со всей его силой и мощью, не отправится на спасение и освобождение старого (англ.).

димых в островной жизни. Так и получил свое название городок Samara de Lobos²¹ – бывшее пристанище sea-lions²², немногим из которых удалось избежать фатальной участи.

Проскочив под сомнительной высоты шлагбаумом, мы оказались в подземном паркинге.

– Мадемуазель, надеюсь, вы не возражаете немного пройтись к месту презентации вашей книги?

– Ну что вы, синьор Инганнаморте... Почту за честь, – рассмеялась я.

– Можно было бы сократить дистанцию, но в Samara de Lobos не всегда возникает желание оставлять машину на улице, потому что возможен вариант обратного трипа на такси. – Он заглушил двигатель и потянул за ручку водительской двери.

– Что вы имеете в виду? – Я последовала его примеру.

– Я имею в виду, что мы можем остаться без средства передвижения.

«Без ох...го средства передвижения» – это была вторая пошлая мысль за сегодняшний день.

– Почему?

– Потому что местный народ выживает за счет рыбалки, производства вина, выращивания бананов и криминала.

– Если рыбалку, вино и бананы я себе представить могу, то с криминалом не очень-то складывается.

– Скажем так, – он деликатно пропустил меня вперед на выходе из паркинга, – если на Мадейре кто-то кого-то убивает, то это происходит именно здесь.

– Вы шутите, да?

– Нет. Туристов местные разборки обычно не затрагивают, но я бы не порекомендовал вам ночные прогулки в Samara de Lobos. Конечно, если у вас не возникнет желания задрожить с уголовным миром острова.

В очередной раз я затруднялась ответить себе на вопрос, говорит ли он правду или играет с химическими соединениями, как тот мальчишка из лаборатории. Сказочная красота небольшого городка, пропитанного теплом лучей и запахом винограда, настолько не соответствовала утверждению о периодических убийствах, что я сильно засомневалась. Если бы маленькому ребенку с чистойшей неиспорченной душой вручили набор ярких фломастеров и попросили изобразить самое доброе место на планете, он бы нарисовал Samara de Lobos. Ярко-зеленый фломастер – трава на горном утесе, темно-синий – волны и океан, ярко-желтый – солнечный шар, красный, оранжевый, фиолетовый, голубой – разноцветные лодочки и рыбацкие судна. Такие добропорядочные мысли сопровождали меня ровно до первой увиденной физиономии, обладатель которой, слегка пошатываясь, двигался в нашу сторону. Это был классический образ потихоньку спивающегося португальского уголовника, шныряющего среди узких переулков в поисках легкой добычи и куска шаровой лепешки.

– По-моему, я начинаю вам верить, – полушепотом произнесла я, заметно сократив разделяющее нас расстояние. Родители наградили меня модельным ростом, но Дженнаро был на голову выше и значительно шире в плечах. Я бы не стала заигрывать с людьми с такими габаритами на месте любых местных авторитетов. Да и не местных тоже. – Так, а почему все они здесь сконцентрировались? Здесь что, тюрьма?

– Нет, тюрьма расположена в другом месте. Здесь очень свежая рыба и кошельки ослабленных туристов. В тюрьме они долго не задерживаются, – улыбнулся Дженнаро, быстро взбираясь по крутым ступенькам.

– Как это «не задерживаются»? Устраивают побег?

– Да им даже побег не нужен, учитывая большие дыры в местном бюджете.

²¹ Пристанище морских львов (*порт.*).

²² Морские львы (*англ.*).

– Я не совсем понимаю. Их что, просто выпускают, потому что нет денег на содержание?

– Примерно так. Схема очень простая. Представьте, что вы совершили преступление в Лиссабоне. Вас забросили в камеру с жуткими условиями, что является для вас определенным дискомфортом. Вы пишете заявление, содержание которого зависит от вашего красноречия и личной фантазии. Например, ссылаетесь на проблемы со здоровьем и просите о переводе в другое место. Так как лиссабонская тюрьма обычно сильно переполнена, существует большая вероятность того, что вас перебросят на Мадейру. Здесь условия на-многооо-го лучше. – Он сделал акцент на слове «намного». – Когда вы окажетесь на Мадейре, вас быстренько амнистируют, потому что у местных властей нет никакого желания кормить вас морепродуктами.

– И что? Я просто смогу расхаживать по острову как ни в чем не бывало?

– По закону вы обязаны покинуть остров через тридцать дней.

– А если я не хочу?

– Если вы не хотите, то через тридцать дней сообщите властям, что у вас нет денег на билет и оставайтесь здесь жить. Денег вам никто не даст, но и топить в океане тоже не станет.

– С ума сойти! То есть если я не захочу уезжать с Мадейры, я могу совершить кражу в магазине, немножко отсидеть в тюрьме и остаться здесь навсегда?

– Воровать нехорошо, мадемуазель. – Он снова рассмеялся, чем доставил мне огромное удовольствие. – Если вы не захотите уезжать, вы просто зайдете в мэрию и честно об этом скажете. С оговоркой, что у вас нет денег для того, чтобы вернуться домой. Мне бы не хотелось, чтобы вас закрыли даже в местной тюрьме. Заключение не разрешают купаться в океане, а я заметил, что волны вас изрядно притягивают.

– Откуда вы все это знаете? О тюрьмах, об условиях?

– У меня хорошие отношения с местными властями. И я давал деньги на реконструкцию местной тюрьмы.

– Вы??? Но почему? – Я даже не пыталась скрыть удивления. – Поймите меня правильно... У меня много знакомых влиятельных бизнесменов, но обычно они помогают... детям, что ли... детским домам. Но что бы тюрьмам?! Это очень благородно, синьор Инганнаморте.

– Вы так полагаете? – Его раскатистый смех в очередной раз застал меня врасплох. – Мадемуазель, мне очень нравится ваша непосредственность. Впрочем, как и то, что вы заставляете меня смеяться.

– Мне очень нравится, когда вы смеетесь. – Слова просто машинально сорвались с моих обветрившихся губ. – Правда, вы самый необычный меценат в моей жизни.

Дженнаро приостановился на небольшом мостике и расхохотался. Мне показалось, что мое сердце заняло место мозга, который вообще отключился и отказывался работать. Как же красив был этот человек... В нем почувствовалась поразительная, незнакомая мне дотоле легкость, которая сделала его чуть более понятным, чуть более доступным, пусть даже на миг. Но это был мой миг.

– Мадемуазель, вы замечательный ребенок. Наивный, но замечательный. Я помогаю местным властям не из-за сочувствия к уголовному миру острова. Просто стандартный обмен услугами. Но давайте отвлечемся от этой темы. Вам ничего здесь не напоминает о присутствии величайшего британца, чью речь вы так эффектно произнесли в машине?

«Какой британец? Какая речь? Пожалуйста, прекращай называть меня ребенком... Тебя что, разница в семнадцать-двадцать лет смущает? Меня – нет». – А вот и третья нескромная мысль за сегодня.

– Надо же! – Я быстро отвлеклась, заметив большую мемориальную табличку на фоне стены.

«AQUI PINTOU EM 1950 WINSTON CHURCHILL»²³ – гласила надпись, сопровождаемая металлическим мольбертом, кисточкой и выдавленными из тюбика железными красками.

– Он что, еще и рисовал?

– Да, и весьма прилично.

– Но что он рисовал?

– Это...

Аккуратно положив мне на плечи загоревшие руки, мой гид развернул меня в противоположную сторону, словно слепую невесомую куклу.

– Ооох... как же здорово...

Обладающий непревзойденным вкусом Уинстон Черчилль выбрал идеально правильное место для создания своих пейзажей. Не нужно было быть ни гением, ни интеллектуалом для того, чтобы понять, почему бывший премьер-министр Великобритании, одаренный политик, лауреат Нобелевской премии по литературе и член тайного масонского общества бросал светский «Reid's» и все свои дела ради того, чтобы приехать в Samara de Lobos в сопровождении человека с огромным зонтом. Зонт конечно же был на случай дождя, потому что Черчилль совершенно не приветствовал art «en plein air»²⁴, если гадкие хаотичные капли падали на кончик сигары и мешали привычному дымящемуся удовольствию. Он бесконечно рисовал пальмы, которые словно торчали из красочных лодок, и наслаждался вкраплениями черепичных крыш на таинственном утесе под облачным небом. Время от времени сопровождавший сэра Уинстона «адъютант» распахивал зонтик над его головой, чтобы художник не утратил музу и посетившее его вдохновение. О да, если человек талантлив, так он талантлив во всем. Ну, или почти во всем.

– Спасибо, спасибо, спасибо, – повторяла я. – Если бы не вы, я бы вряд ли сюда попала и вообще не узнала о том, что Черчилль что-то рисовал. Спасибо!

– Мадемуазель, прекратите меня благодарить. Я ничего не делаю просто так. У вас будет возможность оказать мне ответную услугу. Так что, готовы к презентации книги?

– Нет. Да... Прямо здесь?

– Нет. Конечно, нет. Вы должны сидеть там, где и сэр Черчилль. Я же обещал вас воссоединить. Не возражаете, если мы немного пройдемся в жару к его любимому ресторану? Заведение довольно заурядное, но там очень достойно готовят эшпаду.

– Я «за»! И еще раз «за»! А что такое эшпада?

– Вы всегда задаете столько лишних вопросов?

– Почти, а что?

Мы, не сговариваясь, рассмеялись. Он объяснил, что «эшпада» – это вкуснейшая рыба, которую, по большому счету, можно попробовать лишь в двух уголках известного нам мира – в Японии и на Мадейре. Слишком уж своенравной и глубоководной оказалась рыбка. Японцы даже прозвали в честь нее остроконечные кинжалы, потому что «эшпада» переводится как «рыба-сабля», которая не имеет ничего общего с довольно распространенной «рыбой-меч», несмотря на определенную схожесть в названиях.

– Так что, все-таки эшпада? – спросил он, когда мы уселись на террасе заурядного, по его мнению, ресторана.

– Ну, почему бы и нет? Все остальные названия в меню кажутся привычными и знакомыми. Эшпада, так эшпада.

«Круг, так круг», – выстрелило в голове.

– Есть один нюанс, – заулыбался топ ами. – Здесь всегда демонстрируют сырую рыбу на подносе, чтобы клиенты убедились в ее свежести.

²³ Здесь в 1950 году рисовал Уинстон Черчилль (*порт.*).

²⁴ На открытом воздухе (*фр.*).

– Не вижу препятствий. С удовольствием посмотрю на свежевывловленную эшпаду. – Я непринужденно пожала плечами.

– Уверены?

– Как никогда в жизни.

Если во Вселенной и существовал человек, способный сморозить большую чушь, то это точно была я. Когда официант с должным достоинством поднес к столику сэра Черчилля недавно пойманную эшпаду, я без промедления оторвалась от пола вместе со стулом и отъехала на метр назад.

«Это, бл...ь, что?» – четвертая пошлая мысль за сегодняшний день, которая била по нервам в обнимку с отступающим шоком.

В то время как мой непредсказуемый спутник и официант угорали от приступов смеха, я смотрела на жуткого монстра, который пялился на меня громадными выпученными глазами. Распластавшаяся на подносе длиннющая черная змея тарасилась то вправо, то влево, обнажая чудовищные остроконечные зубы. «Челюсти» Спилберга? Да сейчас. Младенческий чупа-чупс по сравнению с этим ужасом. «Чужой», «Чужой-2», «Чужой-100» и «Туман» Кинга просто нервно курили в стороне, глядя на этого сосисочнообразного уродца. Что вы, японцы, назвали в честь этой твари божьей? Кинжал? Да я бы сделала семьсот пятьдесят харакири подряд, если бы оказалась на месте ныряльщика, которому повстречалось такое подводное сокровище. Благо, что дайверы так глубоко не занырявают.

– На вкус «оно» точно лучше, чем на вид? – Я так и продолжала сидеть чуть в стороне от стола, дожидаясь, пока чучело уберут с глаз долой и отправят под разделочный нож.

– Мадемуазель, это очень вкусно, не сомневайтесь. Вы собираетесь снова ко мне присоединиться или так и останетесь там сидеть?

Мы со стулом вернулись на место только тогда, когда поднос с уродцем оказался на безопасном от нас расстоянии.

– Так что, готовы прочесть мне отрывок на французском? Если мне не изменяет память, то мы здесь как раз ради этого.

– Да, дайте мне пару минут. Я найду текст в телефоне.

– Take your time²⁵. Вы не возражаете, если я пока сделаю пару звонков?

Что мне нравилось в Жорже и в сидящем напротив меня мужчине, так это то, что они, несмотря на занятость, не позволяли себе уделять постоянное внимание телефону, находясь рядом с девушкой. Они напоминали мне моего киевского друга Гарика, который всегда приезжал с шикарным букетом цветов на встречу с женщинами и по возможности игнорировал все телефонные звонки. Важно ли это? Для меня – да. Такие мелочи в общении заставляют чувствовать себя нужной и интересной. Интереснее новостей, интереснее фейсбука и какого-нибудь инстаграмма.

Найти французский перевод оказалось не так просто. Хорошо, что я вспомнила, что однажды отправляла его в фейсбук своему другу-французу, с которым мы вместе учились в Гамбурге. Гораздо проще было проштудировать непродолжительную переписку в социальной сети, чем перелопатить три тысячи писем в джимейловской почте.

– Готово! – сказала я, наткнувшись на текст и мысленно улыбнувшись ответной реакции француза Реми.

²⁵ Не торопитесь (англ.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.